

ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК
В ЛИЦАХ

Коллектив авторов

**Институт экономики Российской
академии наук в лицах. Сборник**

«Алетейя»

2020

Коллектив авторов

Институт экономики Российской академии наук в лицах. Сборник
/ Коллектив авторов — «Алетейя», 2020

ISBN 978-5-00165-136-9

Книга посвящена выдающимся ученым Института экономики Российской академии наук, основанного в 1930 г. и прошедшего вместе со страной сложный путь социально-экономической трансформации. Этот юбилейный выпуск приурочен к 90-летию Института и включает в себя как ранее публиковавшиеся очерки, так и впервые подготовленные к печати материалы об известных личностях Института экономики Российской академии наук.

ISBN 978-5-00165-136-9

© Коллектив авторов, 2020

© Алетейя, 2020

Содержание

Предисловие	6
М.И. Воейков д.э.н.	8
Л.Г. Истягин д.и.н.	18
Л.Г. Суперфин к.э.н.	25
Б.А. Хейфец д.э.н.	29
Б.Е. Фрумкин к.э.н.	34
Л.Г. Истягин д.и.н.	41
М.И. Воейков д.э.н.	49
В.П. Логинов д.э.н.	57
В.К. Сенчагов д.э.н.	60
А.М. Никулин к.э.н.	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Институт экономики Российской академии наук в лицах. Сборник

К 90-летию Института экономики Российской академии наук

Предисловие

Настоящая книга посвящена выдающимся ученым Института экономики Российской академии наук, существующего с 1930 г. и прошедшего за это время вместе со страной сложный путь. Этот сводный выпуск ранее издававшихся сборников очерков о людях Института экономики РАН приходится на юбилейный год института. Из 90 лет юбилейного срока три четверти времени приходится на советскую эпоху. Долгое время у Института экономики РАН, почти монопольного научного учреждения страны по проблемам советской экономики и ее теоретического обоснования, поле деятельности вовсе не ограничивалось поддержкой и пропагандой официальной советско-коммунистической идеологии. Была, конечно, и пропаганда, но были глубокие научные исследования прорывного характера, за которые институт и отдельные ученые подвергались жесткой критике, и даже физическим репрессиям. Самый последний пример этому 1971 год, когда институт был полностью реорганизован постановлением ЦК КПСС за то, что некоторые его сотрудники отстаивали необходимость развития рыночных отношений в стране.

Институт экономики РАН за 90 лет существования разрабатывал широкий круг экономических проблем, имея по каждому из направлений крупных ученых и высококвалифицированных сотрудников. Многие из них обладали разносторонними знаниями и творчески подходили к исследованию разных сторон социально-экономического развития страны. Достаточно назвать академика Л.И. Абалкина, который много лет был директором Института. Среди крупных ученых-экономистов, работавших в Институте экономики в его первый период (1930–1940-е гг.), были такие как: Е. Грановский, Л. Кафенгауз, Э. Квиринг, М. Кривицкий, М. Кубанин, В. Милютин, М. Смит-Фалькнер, Е. Хмельницкая и др.

Институт экономики РАН был призван разрабатывать прежде всего экономическую теорию, в том числе и политическую экономию. Задача в советские времена – наиболее сложная. И все-таки ученые института не скатились в болото апологетики, предельно упрощенных взглядов на социализм. Уже к 1940-м гг. стало складываться понимание существовавшего строя как очень сложной системы, которая требовала сочетания плановых и рыночных отношений и систем управления разного рода. В рамках этой проблематики работали И.Г. Блюмин, В.Г. Венжер, Л.М. Гатовский, Г.А. Козлов, М.А. Колганов, Я.А. Кронрод, Л.А. Леонтьев, К.В. Островитянов, А.И. Ноткин, А.И. Пашков, Д.И. Розенберг, Д.Т. Шепилов и др.

В разные периоды велись в институте научные исследования, связанные с тематикой мировой экономики (А.А. Арзуманян, О.Т. Богомолов, Е.С. Варга, А.А. Громыко, В.А. Жамин, Р.Н. Евстигнеев, А.С. Мендельсон, И.А. Трахтенберг и др.)

Одно из центральных мест занимало исследование закономерностей воспроизводства и динамики структуры народного хозяйства. Прежде всего этой проблематике были посвящены работы Л.Я. Берри, М.З. Бора, А.А. Барсова, Я.Б. Кваши, Я.А. Кронрода, А.Д. Курского, А.И. Ноткина, Т.В. Рябушкина, Б.М. Смехова, Г.М. Сорокина, С.Г. Струмилина, Я.Г. Фейгина, С.А. Хеймана и др. Проблемы финансовых отношений и цен разрабатывались Д.А. Аллахвердяном, З.В. Атласом, В.М. Батыревым, А.А. Дерябиным, В.П. Дьяченко, В.В. Ивантер, Н.С. Лисициан, Ф.И. Михалевским, К.Н. Плотниковым, В.К. Сенчаговым и др.

В единстве с проблематикой воспроизводства исследовались вопросы научно-технического прогресса, экономической эффективности, хозяйственного механизма, хозрасчета, управления экономикой (Г.Д. Анисимов, А.А. Аракелян, В.Н. Богачев, М.А. Виленский, Л.М. Гатовский, Ю.А. Зыков, А.И. Кац, В.П. Красовский, К.Б. Лейкина, Д.С. Львов, В.С. Немчинов, В.И. Павлюченко, Д.М. Полтерович, А.А. Сигиневич, Ю.В. Сухотин, Н.Г. Фейтельман, В.Г. Фельзенбаум, Г.С. Хачатуров и др.). Важную роль играло направление, связанное с разработкой проблем трудовых отношений, народного благосостояния (И.А. Анчишкин, Е.И. Капу-

стин, Е.Л. Маневич, А.Л. Максимов, Б.П. Маркус, И.С. Маслова, В.М. Москович, И.Я. Обломская, Л.В. Опацкий, А.С. Сбытова, М.Я. Сонин, Б.Ц. Урланис и др.).

Долгое время большую роль играли в институте исследования аграрной проблематики, в которых сложились принципиально разные подходы: государственно-централистский (Н.В. Васильев, Е.С. Карнаухова, И.Д. Лаптев, С.И. Семин и др.), относительно либеральный, рыночный (В.Г. Венжер, Т.И. Заславская, Л.Н. Кассиров, Л.В. Никифоров, М.И. Сидорова, Г.И. Шмелев и др.). Исследовались также проблемы преимущественно текущей аграрной проблематики: М.И. Козлов, Н.Г. Коротамм, Г.Г. Котов, А.П. Теряева и др. Упомянуть об этом надо, в том числе и потому, что несмотря на партийно-идеологическую поддержку первого направления и постоянную критику второго, его так и не удалось раздавить.

Важным направлением было изучение истории экономической мысли и истории народного хозяйства России: Ю.П. Бокарев, Ю.Ф. Воробьев, И.А. Гладков, П.И. Лященко, И.В. Маевский, В.Е. Маневич, В.В. Орешкин, К.А. Пажитнов, А.И. Пашков, С.Г. Струмилин, Н.К. Фигуровская, П.А. Хромов, Н.А. Цаголов и др.

Активно велись исследования проблем размещения производства: В.В. Варанкин, К.И. Клименко, Д.Д. Москвин, О.С. Пчелинцев, М.Л. Розенфельд, Н.А. Руденко, В.Г. Удовенко, Я.Г. Фейгин, Н.А. Шокин и др.

В трудах ученых Института экономики РАН акцент делался на развитие прежде всего рыночных отношений, большего многообразия форм собственности, разгосударствления, развития кооперативных и самоуправленческих начал, аренды и т. д. Линия на развитие рыночных отношений и экономического плюрализма достаточно отчетливо прослеживается в работах Института экономики РАН с 1965 г. до начала 1990-х гг. включительно. Это одна и та же линия все большего приближения к реальности, более полного отражения ее в конкретных предложениях по реформированию хозяйственного механизма и преобразования общества.

Внимательное рассмотрение исторических вех в исследовательской деятельности Института экономики РАН показывает наличие ряда характерных свойств, сопровождавших все важнейшие работы института. В сущности, именно эти свойства доказывают творческий подход его сотрудников к поиску реальных экономических закономерностей и вытекающих отсюда практических рекомендаций во все времена, несмотря на занесенный над руководством и сотрудниками дамоклов меч нешуточных санкций, а подчас и репрессий.

Исследование реальных экономических проблем страны в значительной мере определяло лицо института даже в самые жестокие годы сталинской диктатуры. Нередко это требовало от его сотрудников большого мужества. В общем, судьба ученых Института экономики РАН, как и судьба всей страны при коммунистическом режиме, оказалась страшно противоречивой. Грандиозные достижения сочетались здесь с не менее грандиозными злодеяниями и провалами в практической политике.

И в наше время сотрудники Института экономики РАН также сталкиваются со многими внешними проблемами. Конечно, сегодня уже не диктуют сверху императивы научного поиска. Однако нависает другая угроза сверху: недофинансирование, бюрократизация, администрирование. Но 90 лет существования Института экономики РАН вселяет уверенность, что сотрудники института выдержат и текущие напасти. Ученые института всегда работали и продолжают работать в интересах своей страны, для благополучия и процветания России.

Е.Б. Ленчук, д.э.н., директор Института экономики РАН

М.И. Воейков д.э.н.
Т.Е. Кузнецова д.э.н.
Абалкин Леонид Иванович (1930–2011)

Леонид Иванович Абалкин родился 5 мая 1930 г. в семье московских интеллигентов. Отец – Иван Александрович Абалкин (1894–1966) – бухгалтер-ревизор, мать – Зоя Ивановна (1896–1976) – бухгалтерский работник. Под влиянием семьи молодой Абалкин пошел по стопам родителей: в 1948 г. поступил в московский Институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова на учетно-экономический факультет, который с отличием окончил в 1952 г.

Трудовая жизнь Л.И. Абалкина началась в г. Гусев Калининградской обл., где он преподавал финансы, статистику и политэкономию в Калининградском сельскохозяйственном техникуме. Здесь он осознал свой главный жизненный интерес – экономическую науку и выбрал судьбу ученого. В 1958 г. поступил в аспирантуру Московского государственного экономического института и в 1961 г. стал ассистентом кафедры политэкономии московского Института

народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, где проработал 15 лет, пройдя все ступени педагогической карьеры – от старшего преподавателя до заведующего кафедрой.

В 1962 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Действие закона планомерного пропорционального развития в мировой социалистической системе хозяйства», в 1970 г. – докторскую, на тему «Роль социалистического государства в планомерном регулировании общественного производства». В 1976 г. Л.И. Абалкин был приглашен на должность заместителя заведующего кафедрой проблем управления в Академию общественных наук (АОН) при ЦК КПСС. После объединения АОН с Высшей партийной школой в 1978 г. он стал заведующим объединенной кафедрой политической экономии. В АОН Л.И. Абалкин проработал 10 лет, и в 1986 г. был назначен директором Института экономики АН СССР (впоследствии – РАН). Он трижды избирался на пост директора ИЭ РАН на новый срок. В 1984 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1987 г. – академиком АН СССР.

С июля 1989 г. по декабрь 1990 г. – особый период в жизни Л.И. Абалкина. Оставаясь директором Института экономики, он работал в правительстве, где являлся заместителем Председателя Совета Министров СССР – Председателем Государственной комиссии Совета Министров СССР по экономической реформе. Многих удивило решение Леонида Ивановича работать в правительстве. Однако сам он руководствовался возможностью реализовать возникший шанс, который, по его мнению, тогда был, внедрить в практику разумное понимание экономических процессов. Сам он впоследствии писал, что «правительство за полтора года должно остановить нарастание негативных процессов и оздоровить экономику. Если оно не сможет этого сделать – должно уйти в отставку. Срок деятельности правительства был предсказан с поразительной точностью. Но остается вопрос, была ли реальная возможность решить эту задачу. Осмысливая пройденный путь, я подтверждаю, что такой шанс действительно был»¹. У Леонида Ивановича имелся 15-летний опыт разработки серьезных экономических проблем, когда он привлекался к работе для правительства во времена А.Н. Косыгина. Он знал, как работает правительственный аппарат, был достаточно осведомлен о состоянии экономического положения страны.

Большую часть своей жизни Л.И. Абалкин занимался преподавательской работой, и делал он это блестяще. У него был несомненный талант преподавателя и лектора. Внимания слушателей он добивался развитым чувством понимания аудитории, хорошим русским языком, содержательным и убедительным изложением предмета лекции или доклада, серьезными аргументами и доказательствами. Свои доклады и выступления он никогда не читал по бумажке, каждый раз выделяя новые грани, аспекты, подходы даже по уже известным и не раз обсуждавшимся проблемам.

Л.И. Абалкину было присуще чувство солидарности, которое особенно остро проявлялось в периоды усиления идеологического давления на экономическую науку. В 1970 г. Отдел науки ЦК КПСС устроил погром в Институте экономики АН СССР, резко выступив против школы Я.А. Кронрода, и инициировал ряд публикаций в центральной печати с разгромными публикациями в адрес некоторых сотрудников института. В частности, в газете «Социалистическая индустрия» появилась рецензия под названием «Ошибочные позиции» на книгу тогдашнего сотрудника Института экономики АН СССР Б.В. Ракитского «Формы хозяйственного руководства», ответственным редактором которой был Я.А. Кронрод. Л.И. Абалкин, еще будучи заведующим кафедрой политэкономии МИНХа им. Г.В. Плеханова, принципиально поддержал Б.В. Ракитского, подчеркнув, что только солидарность в отстаивании рыночных позиций позволит защитить это направление в экономике. Также можно вспомнить эпизод тех лет, когда Г.С. Лисичкину не давали возможности защитить докторскую диссертацию в

¹ Абалкин Л.И. Неиспользованный шанс. Полтора года в правительстве. М.: Политиздат, 1991. С. 5–6.

Москве, и он перенес защиту в Вильнюс, Абалкин мужественно согласился выступить официальным оппонентом у Лисичкина. Правда, защиту диссертации запретили вовсе.

Имя Л.И. Абалкина стало известно, что называется в народе, в 1987 г. после выступления на XIX Всесоюзной конференции КПСС. Он впервые на всю страну с официальной трибуны произнес памятные российскому народу слова: «В состоянии ли мы, сохраняя советскую организацию общества и однопартийную систему, обеспечить демократическую организацию общественной жизни?»² Вспоминая ту конференцию, Л.И. Абалкин писал: «Мое выступление на XIX партийной конференции понравилось далеко не всем. И это вполне естественно. В нем была дана достаточно жесткая оценка ситуации и со всей определенностью сказано, что радикального перелома в экономике не произошло и из состояния застоя она не вышла. Говорил я и о том, что принятая на двенадцатую пятилетку концепция одновременного обеспечения количественного роста и качественных преобразований предусматривает решение несовместимых задач»³. Это выступление было одним из самых ярких и мужественных. После него имя Л.И. Абалкина стало широко известно, и его стали связывать с грядущими, как надеялись, прогрессивными переменами.

Леонид Иванович в вопросах этики занимал жесткую принципиальную позицию. Работая в правительстве и оставаясь директором Института экономики РАН, он не получал директорской заработной платы. Никаких материальных благ и привилегий от своей должности в правительстве он не имел, за исключением, пожалуй, московского телефона, который ему провели на его небольшую дачу в поселке Ильинском Раменского района Подмосковья, построенной еще в те времена, когда он был профессором в Плехановке. Но ведь тогда еще не было мобильных телефонов, а он все же был заместителем Председателя Совета Министров СССР. Не используя привилегии для себя лично, он не создавал их и для Института экономики и его сотрудников, хотя, понятно, что такие возможности у него были.

Л.И. Абалкин был социально активным человеком. С молодых лет занимался общественной, а до работы в правительстве – и общественно-политической деятельностью: избирался депутатом Москворецкого районного Совета г. Москвы (1965 г.), секретарем парткома Московского Института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова (1966–1969 гг.), депутатом Верховного Совета СССР (1989 г.), членом ЦК КПСС. Однако после пребывания в правительстве свою общественную деятельность ограничил сугубо научной сферой.

Л.И. Абалкин вел большую общественно-научную и просветительскую деятельность. Он являлся президентом Международного фонда им. Н.Д. Кондратьева, вице-президентом Вольного экономического общества (ВЭО) России. Причем и в Фонде, и в Обществе он выступал не в качестве свадебного генерала, как это часто водится с людьми его ранга, а плодотворно и много работал, выступал с докладами, вел заседания, писал книги и статьи. Все мероприятия Кондратьевского фонда осуществлялись не только под руководством Л.И. Абалкина, но обязательно с его докладами, выступлениями, статьями, пропагандирующими и продолжающими идеи Н.Д. Кондратьева.

До самых последних дней Л.И. Абалкин активно выступал на научных конференциях, семинарах и ученых советах в родном ИЭ РАН. В частности, он был очень аккуратным и активным участником институтского семинара «Экономическая теория марксизма и современность». Так, за последний год на этом семинаре он выступил по следующим темам: «Все-сторонне осмысливать традиции и новые реалии нынешней эпохи», «Мыльные пузыри должны были лопнуть», «Труд как таковой не является объектом продажи», «Марксизм не библия, а

² XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня – 1 июля 1988 г. Стеногр. отчет. В 2-х т. М.: Политиздат, 1988. Т. 1. С. 114–119.

³ *Абалкин Л.И.* Указ. соч. С. 9–10.

живое учение», «Развитие политической экономии и требования современного анализа»⁴. Эти выступления еще не учтены ни в каких библиографиях Л.И. Абалкина и сборниках его работ. Научное наследие Л.И. Абалкина настолько огромно и рассеяно, что его изучению и овладению должна предшествовать работа собирания, классификации и каталогизации.

Первые публикации Леонида Ивановича относятся к началу 1960-х гг. Судя по широкому набору проблем, которые его в то время интересовали, представляется, что он решал для себя, по меньшей мере, две задачи.

Во-первых, расширял свой теоретический кругозор. Отсюда его интерес к обширному кругу проблем – воспроизводства, действия экономических законов, закономерностей мировых экономических процессов, хозяйственных систем и т.п.

Во-вторых, Леонид Иванович определял свой главный научный интерес на тот период. Им оказалось исследование экономики мировой социалистической системы. В кандидатской диссертации и в вышедшей затем книге «Планомерное развитие и пропорции мирового социалистического хозяйства», наряду с анализом актуальных проблем развития мировой системы социализма (интернационализация хозяйственных процессов, совершенствование общественного разделения труда, координация хозяйственной деятельности и т.п.), Леонидом Ивановичем сделан принципиальный для того времени вывод о том, что действие закона планомерного, пропорционального развития не заменяет и не может заменить закона стоимости.

Занимаясь в тот период своего научного творчества, казалось бы, тупиковой темой, он вышел на реальные основы хозяйственного механизма, которые состояли в объективной необходимости товарного производства и рыночных отношений в «социалистическом» хозяйстве. Более того, он доказывал, что пропорции мирового социалистического хозяйства невозможно рассчитывать и определять, абстрагируясь от товарно-денежных отношений, т.е. от рыночной экономики. В результате своих исследований Л.И. Абалкин по сути стал, как тогда говорили, «товарником», правда, не акцентируя на этом специального внимания.

В дальнейшем Л.И. Абалкин продолжал разрабатывать основные методологические проблемы на основе своих рыночных представлений. Так, в книге, вышедшей в 1967 г. под его редакцией, он писал, обосновывая рыночный механизм ценообразования «при социализме»: «Закон стоимости и при социализме проявляется лишь как средняя величина, как результат количественного несовпадения цены и стоимости. Причем происходит это не из-за недостатков ценообразования, а в силу действия многих причин: колебания спроса и предложения, дефицитности отдельных товаров, стимулирования производства, ограничения потребления тех или иных товаров». И в другом месте: «Окончательное общественное признание общественного характера труда происходит в обмене, в процессе реализации. Таким образом, именно обращение к реальной практике все ставит на свои места»⁵.

В 1970 г. в издательстве «Мысль» вышла книга Л.И. Абалкина «Политическая экономия и экономическая политика». В книге были проанализированы проблемы соотношения экономики и государства, экономической политики и экономической теории. Автор исходил из того, что перед экономической наукой и хозяйственной практикой встал целый ряд недостаточно исследованных или постоянно возникающих новых явлений и, соответственно, проблем в связи с проведением хозяйственной реформы: характер государства как экономического центра страны, роль экономической политики в регулировании общественного производства, система экономических интересов; соотношение двух взаимосвязанных и относительно самостоятельных уровней хозяйствования – народного хозяйства и его первичного звена – производственного предприятия. Например, относительно последнего он писал: «Социалистическое

⁴ См.: Экономическая теория марксизма и современность. Труды научного семинара. Вып. 2 / Под ред. В.А. Медведева. М.: ИЭ РАН, 2011.

⁵ «Капитал» К. Маркса и политическая экономия социализма. М.: Мысль, 1967. С. 41, 54.

производственное предприятие самостоятельно распоряжается выделенными ему средствами, организует производство и сбыт продукции, решает вопросы найма, увольнения и использования рабочей силы. Его средства совершают экономически обособленный кругооборот. Оно покрывает все расходы за счет собственных доходов и обеспечивает безубыточность производства. Относительное экономическое обособление проявляется в существовании специфических экономических интересов предприятия»⁶. Что тут социалистического? Ничего. Это сугубо рыночная концепция предприятия, которую он пытался реализовать в Программе радикальной экономической реформы 1989 г.⁷

В этой работе Л.И. Абалкин достаточно подробно раскрыл суть организационно-экономических отношений, которые в российской науке по существу явились основой того, что впоследствии было названо институциональными отношениями. По существу в этой книге было поднято большинство вопросов, каждый из которых Л.И. Абалкин впоследствии исследовал (экономическая наука и ее взаимосвязи, проблемы методологии, экономическая роль государства, хозяйственный механизм и принципы хозяйствования, экономические интересы и т.д.) уже в новых условиях.

Более того, в этой работе Л.И. Абалкин достаточно четко поставил вопрос о связи политической экономии с экономической политикой. Он писал: «Исключать из политической экономии всю целиком экономическую политику неправомерно... Она включается в объективную экономическую связь и является элементом самого экономического базиса. В этом качестве она и входит в предмет политической экономии социализма»⁸. Это очень серьезная теоретическая постановка. Самый весомый аргумент в пользу своей концепции Л.И. Абалкин находит в экономической роли государства: «Включение экономической политики в предмет политической экономии базируется на понимании двух сторон в деятельности социалистического государства, на признании в нем функций, относящихся непосредственно к экономическому базису»⁹. В этой концепции Л.И. Абалкина в значительно более полном и глубоком смысле отражены самые современные тенденции мирового развития.

В монографии Л.И. Абалкина «Хозяйственный механизм развитого социалистического общества» (М., 1973) необходимость исследования политэкономических основ хозяйственного механизма объясняется тем, что только с его помощью можно совершенствовать хозяйственную практику, и впервые эта проблема рассматривается как комплексная.

Обосновывая свой главный тезис о необходимости единства теории и реальной жизни, Л.И. Абалкин показывает, что в области исследования хозяйственного механизма политическая экономия переводит свои теоретические формулы на язык экономической политики, где она реализует свои практически-созидательные функции. «Политическая экономия, – писал он в этой книге, – все более становится теорией рационального социалистического хозяйствования»¹⁰. Однако связь хозяйственного механизма с теорией – это только одна функция политической экономии. Вторая функция определяется конечными результатами, в которых отражается степень удовлетворения потребностей, степень реализации экономических интересов общества или социальных групп в нем.

В этой работе Л.И. Абалкин обосновывал параметры, собственно, рыночного механизма. Например, говоря об экономическом соревновании, он пишет: «Объектом соревнования является снижение стоимости продукции, экономия общественного труда и сырья, выявление

⁶ Абалкин Л.И. Политическая экономия и экономическая политика. М.: Мысль, 1970. С. 60.

⁷ См.: Экономическая реформа: поиск решений. Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. по проблемам радикал. экон. реформы, 13–15 ноября 1989 г. / Под ред. Л.И. Абалкина, А.И. Милюкова. М.: Политиздат, 1990; Перестройка и радикальная экономическая реформа 1989 года. Материалы «круглого стола». М.: ИЭ РАН, 2011.

⁸ Абалкин Л.И. Политическая экономия и экономическая политика. С. 89.

⁹ Там же. С. 135.

¹⁰ Абалкин Л.И. Хозяйственный механизм развитого социалистического общества. М.: Мысль, 1973. С. 5

ние дополнительных резервов производства, повышение качества продукции. Механизм этого соревнования основан на снижении индивидуальных затрат труда ниже общественно необходимых»¹¹. Это не что иное, как достаточно четко прописанный механизм конкуренции между предприятиями.

Новый этап в творчестве Л.И. Абалкина наступил с началом горбачевской перестройки и так называемой «Программой Абалкина». Эта Программа была объявлена и обсуждена на Всесоюзной научно-практической конференции по проблемам радикальной экономической реформы в ноябре 1989 г. в Колонном зале Дома союзов в Москве. Воспоминания о работе в правительстве – а с подготовки вышеупомянутой конференции и началась эта работа – Л.И. Абалкин начинает со слов, что «ничто не возникает на пустом месте, у всего есть своя предыстория. ...И без знания предыстории трудно понять последующие события...»¹². Осознание необходимости серьезного экономического реформирования сложилось у Л.И. Абалкина задолго до 1989 г.

Проблемы, которые Л.И. Абалкин рассматривал в связи с экономической реформой, перечислить трудно, поскольку диапазон их огромен, они разноплановы и требуют специальной классификации. Одним из основных являлся вопрос о характере формирующегося в России рынка и о том, каким этот рынок получился и каким он должен быть.

Становление рынка в России и характер его функционирования сопровождался целым спектром негативных последствий, связанных с серьезной угрозой потери страной экономической безопасности. Это выражается в криминализации экономики и усилении ее теневого характера; в бегстве капитала из России; в росте объемов неплатежей, в нестабильности национальной валюты; в долговом характере экономики, в ее зависимости от сырьевых отраслей; в состоянии социального кризиса, который длительное время существует как «вялотекущая форма, угнетающая экономическое развитие. Но от этого не менее опасная»¹³. Все эти проблемы довольно обстоятельно и глубоко исследованы во многих публикациях Л.И. Абалкина.

Л.И. Абалкин предлагал стратегию перспективного развития, конкретные институты и механизмы достижения ее целей. Свои предложения он постоянно обновлял и обогащал. Конечно, Леонид Иванович большое внимание уделял анализу негативных последствий избранного курса реформ (деиндустриализация экономики, повышение ее сырьевого характера, разрушение технологического ядра, усиление обнищания населения при его серьезной дифференциации по уровню доходов, угроза продовольственной независимости страны, ухудшение экологической ситуации, деградация культуры и нравственности, рост преступности и т.п.). При этом Л.И. Абалкин в зависимости от ситуации предлагал соответствующие корректировки и конкретные рекомендации по выправлению негативного экономического положения.

Л.И. Абалкин со всей решительностью выступал против рыночного фундаментализма, за существенное повышение роли и значения государства в регулировании экономики. Речь идет, пишет Л.И. Абалкин, о попытках распространения рыночных регуляторов «на сферы, не поддающиеся рыночному воздействию – охрана окружающей среды, фундаментальная наука, культура в высших ее проявлениях, национальные заповедники, а также сфера прав человека и нравственности»¹⁴. Поэтому общий подход Л.И. Абалкина выражался в формуле: да – рыночной экономике, нет – рыночному обществу. Можно вполне утверждать, что это идейное кредо было свойственно Л.И. Абалкину всегда, и в советское время, и в постсоветское.

¹¹ Там же. С. 171–172.

¹² *Абалкин Л.И.* Неиспользованный шанс. Полтора года в правительстве. С. 8.

¹³ *Абалкин Л.И.* Зигзаги судьбы. Разочарования и надежды. М.: ИЭ РАН, 1996. С. 93.

¹⁴ *Абалкин Л.И.* Вызовы нового века. М.: ИЭ РАН, 2001. С. 14.

В 2010 г. он даже опубликовал статью с таким названием: «Страну спасет плановое хозяйство». В этой работе он доказывает, что стране «нужны сейчас элементы планового хозяйства»¹⁵. И в другом месте: «Анализ исторических уроков преобразований дает основание сделать очень важный вывод. Он показывает, что только сочетание плановых начал с инструментами рынка и активизацией человеческого фактора способны принести успех. Единство этих факторов – необходимое и обязательное условие социально-экономического прогресса»¹⁶. И мы видим, что сегодня определенные шаги в этом направлении правительство вынуждено делать. Например, составление государственного бюджета на 3 года вперед должно вести с собой и некоторые элементы планирования. Составление так называемых национальных программ есть не что иное, как возвращение программно-целового планирования. Рано или поздно придется вернуться и к другим, зарекомендовавшим себя, формам планирования. В частности, пора восстановить индикативное планирование, которое в свое время у нас активно развивалось. В СССР в середине 1920-х гг. была разработана теория и практика индикативного планирования в виде так называемых «контрольных цифр Госплана». Эта уникальная работа была осуществлена под руководством В.Г. Громана в сотрудничестве с целой группой выдающихся российских экономистов. Кстати говоря, многие из них уже в 1930-е гг. стали преподавать в МИНХе им. Г.В. Плеханова, где была создана первая в СССР кафедра «Планирования народного хозяйства».

Таким образом, подчеркивает Л.И. Абалкин во многих своих работах, «отказ от понимания единства рыночных механизмов и государственного регулирования – типичный пример современных стереотипов массового сознания», а борьба «со стереотипами и мифами была и остается научным и гражданским долгом ученых...»¹⁷. Увы, в последние годы много и мучительно Л.И. Абалкин думал о судьбе России. Даже одну из своих книг он назвал «Спасти Россию» (М., 1999). Проникновенны строки Л.И. Абалкина, посвященные России: «Трудно и больно писать о России, о ее сегодняшнем дне и исторических судьбах. Трудно потому, что много знаешь, больно – поскольку речь идет о завтрашнем дне не только своих детей и внуков, но и месте державы в мировом сообществе. А писать все же приходится, потому что молчать нельзя». И дальше: «Россия сейчас стоит перед выбором: либо перестать быть Россией, либо возродиться как великая держава. Великая по своему политическому влиянию в мире, по уровню экономического развития, материального достатка и духовности, по гордости, вызываемой как у своих сограждан, так и у остальных народов». При этом важное значение Л.И. Абалкин придавал сохранению исторической преемственности государственного строя страны и отечественной экономической науки. «Не могу не сказать, – пишет он в этой же работе, – и о попытках очернить всю послереволюционную историю страны, жизнь и труд примерно трех поколений. Это не только безнравственно, но и противоречит историческим фактам»¹⁸. И в другом месте: «Память о великом прошлом, гордость за деяния своих предков не только формируют национально-государственный интерес, но и рождают могучую энергию созидания и прогресса. Сегодня под модным лозунгом деидеологизации делаются попытки уйти от этих вопросов, разорвать пуповину, связывающую современное российское общество с его историей. В связи с этим следует подчеркнуть, что исторически сложившиеся политико-идеологические ценности и установки – отнюдь не надуманные понятия и не особенности, присущие лишь нашей стране»¹⁹. В этой связи заслуживает внимания его постановка о национально-государственных интересах России. «Неясность в вопросе о национально-государственных инте-

¹⁵ Абалкин Л.И. Проблемы современной России. М.: ИЭ РАН, 2011. С. 49.

¹⁶ Там же. С. 49, 35.

¹⁷ Абалкин Л.И. Институт экономики: размышления о будущем. М.: ИЭ РАН, 2008. С. 44.

¹⁸ Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения. Очерки. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2005. С. 4, 7, 9.

¹⁹ Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения. Очерки. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2005. С. 83.

ресах России, беспечное отношение к его решению или стремление отмахнуться от самой проблемы – одна из причин социальных катаклизмов и зигзагов политического курса». И еще: «Важно понять, что национально-государственные интересы были и остаются сегодня главными движущими силами как внутренней, так и внешней политики. Меняются, становятся более цивилизованными лишь формы и методы их защиты и проведения в жизнь»²⁰. Таким образом, национально-государственные интересы должны находиться в центре экономической политики. Но чьи это интересы, на что должна быть направлена экономическая политика?

Итак, национально-государственные интересы. Под ними Л.И. Абалкин понимал: «Поддержка и защита отечественного предпринимательства, земледелия, промышленности и торговли независимо от форм и типов хозяйствования, а также от сословных, цеховых и иных групповых интересов была главной составляющей национально-государственных интересов». И дальше: «Оборона страны и охрана границ, защита ее суверенитета и безопасности, забота о гражданах, находящихся за рубежом, – все это лишь конкретные формы реализации национально-государственных интересов. И потому, насколько последовательно и эффективно будут осуществляться названные функции, можно судить о способности страны и ее народа к самосохранению и о соответствии политического курса определяющим его интересам»²¹. Так, в центре национально-государственных интересов лежит судьба страны и ее народа.

Важный и достаточно дискуссионный вопрос касается методологических оснований выделения национально-государственных интересов. Чьи это интересы? Какой группы, слоя или класса населения страны? Л.И. Абалкин выделяет «некие общие интересы». Акцент, пишет он, «должен быть сделан на внутреннем – на осознании реальности неких общих интересов, стоящих выше интересов различных классов, социальных слоев и групп»²². Но могут ли быть некие общие интересы, которые объединяли бы все группы, слои и классы в буржуазном обществе. А Россия сейчас почти классическое буржуазное общество, проходящее первые классы капитализма. Может ли быть какой-то общий интерес, который смог бы объединить буквально все слои общества? Вряд ли. Ведь разрушительные реформы 1990-х гг. делались в чьих-то интересах, кто-то от них выиграл. Но большинство трудящегося населения страны оказалось в плачевном состоянии. Эти реформы не соответствовали интересам подавляющих слоев и классов трудящихся. Поэтому и возник вопрос о судьбе России. Значит, национально-государственный интерес России не есть некий общий интерес, а есть интерес конкретных трудящихся классов страны.

И очень проникновенно звучат такие слова Л.И. Абалкина: «Поймите же: сейчас время самопознания – либо сильные, используя свои зрелость и умение, сделают жизнь сограждан более комфортной, либо страна растеряет значительную часть населения, территориальную целостность. У меня очень много наболело. Все, что будет дальше с нашими детьми, решается именно сейчас. Время полутоннов прошло»²³. Думается, очень справедливые и мудрые слова.

Важным направлением научного творчества Л.И. Абалкина в последний период было выделение российской школы экономической мысли. Вопрос о научном определении специальной «русской школы экономической мысли» на первый взгляд кажется очень неопределенным. Действительно, никто никогда так не называл российских экономистов, сразу не очень ясны критерии такой идентификации. Некоторые скептики предлагают говорить не о специальной школе, а просто о русской экономической мысли. Конечно, так было бы проще. И в такой первозданной простоте наша отечественная политическая экономия пребывала довольно долго.

²⁰ Там же. С. 64, 70.

²¹ Там же. С. 69–70, 74–75.

²² Там же. С. 65.

²³ Абалкин Л.И. Проблемы современной России. С. 101.

Однако наука достигает некоторой степени зрелости, когда она в состоянии оценить свою собственную историю, когда у нее появляется собственное самоопределение. Наука свою собственную историю должна не просто помнить, но уже уметь группировать, классифицировать и оценивать. В этом отношении сама постановка проблемы является чрезвычайно важной. Л.И. Абалкин на основе обширного историографического материала, включающего десятки имен выдающихся русских экономистов, делает вывод о формировании особой, специфической школы российской экономической мысли, занимающей самостоятельное место в мировой науке.

2020 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы Л.И. Абалкина

1. Планомерное развитие и пропорции мирового социалистического хозяйства. М.: Мысль, 1965.
2. «Капитал» К. Маркса и политическая экономия социализма. М.: Мысль, 1967. (Ред.).
3. Политическая экономия и экономическая политика. М.: Мысль, 1970.
4. Хозяйственный механизм развитого социалистического общества. М.: Мысль, 1973.
5. Стратегия управления. М.: Политиздат, 1975.
6. Экономическая роль социалистического государства. М.: Мысль, 1976.
7. Что такое хозяйственный механизм? М.: Мысль, 1980.
8. Диалектика социалистической экономики. М.: Мысль, 1981.
9. Конечные народнохозяйственные результаты. Сущность, показатели, пути повышения. 2-е изд., доп. М.: Экономика, 1982.
10. Новый тип экономического мышления. М.: Экономика, 1987.
11. Перестройка: пути и проблемы. М.: Экономика, 1988.
12. Советское общество: революционное обновление. М.: Профиздат, 1989.
13. Панорама экономической перестройки. М.: Экономика, 1989. (Ред.).
14. Неиспользованный шанс. Полтора года в правительстве. М.: Политиздат, 1991.
15. К цели через кризис: спустя год. М.: Луч, 1992.
16. На перепутье. Размышления о судьбах России. М.: ИЭ РАН, 1993.
17. В тисках кризиса. М.: ИЭ РАН, 1994.
18. Заметки о российском предпринимательстве. М.: Прогресс-академия, 1994.
19. К самопознанию России. М.: ИЭ РАН, 1995.
20. Зигзаги судьбы. Разочарования и надежды. М.: ИЭ РАН, 1996.
21. Отложенные перемены или потерянный год. М.: ИЭ РАН, 1997.
22. Курс переходной экономики. [Учебник]. М.: Финстатинформ, 1997. (Ред.).
23. Выбор за Россией. М.: ИЭ РАН, 1998.
24. Спасти Россию. М.: ИЭ РАН, 1999.
25. Экономические воззрения и государственная деятельность С.Ю. Витте. М.: ИЭ РАН, 1999.
26. Россия–2015: оптимистический сценарий. М.: ММВБ, 1999. (Ред.)
27. Вызовы нового века. М.: ИЭ РАН, 2001.
28. Логика экономического роста. М.: ИЭ РАН, 2002.
29. Стратегия: выбор курса. М.: ИЭ РАН, 2002.
30. Судьба России: связь времен. М.: ИЭ РАН, 2004.
31. Стратегический ответ России на вызовы нового века. М.: Экзамен, 2004. (Ред.).
32. Взгляд в завтрашний день. М.: ИЭ РАН, 2005.

33. Россия: поиск самоопределения. Очерки. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2005.
34. Размышления о юбилеях. М.: ИЭ РАН, 2006.
35. Страницы исторической памяти. М.: ИЭ РАН, 2007.
36. Институт экономики: размышления о будущем. М.: ИЭ РАН, 2008.
37. Очерки по истории российской социально-экономической мысли. М.: ГОУ ВПО «РЭА им. Г.В. Плеханова», 2008.
38. Российская экономическая мысль. История и современность. М.: ИЭ РАН, 2008.
39. Размышления о будущем России. М.: ИЭ РАН, 2009.
40. Уроки истории и будущее России. М.: ИЭ РАН, 2010.
41. Проблемы современной России. М.: ИЭ РАН, 2011.

Литература о Л.И. Абалкине

1. Академик Леонид Иванович Абалкин, выдающийся отечественный ученый. Москва–Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012.
2. *Бухвальд Е.М.* Идеи Л.И. Абалкина о стратегии развития и концепция стратегического планирования в современной России // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, 2014, № 6(72). С. 44–49.
3. *Воейков М.И.* Л.И. Абалкин о национально-государственных интересах России // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2014. № 6(72). С. 35–43.
4. *Кузнецова Т.Е.* Экономист российской школы. М.: Наука, 2000.
5. Леонид Иванович Абалкин. (Материалы к биобиблиографии ученых). 2-е изд., доп. М.: Наука, 2005.
6. *Манохина Н.В.* Посвящение Л.И. Абалкину – экономические законы новой эпохи // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2014. № 6(72). С. 50–56.
7. *Ядгаров Я.С.* Академик Л.И. Абалкин о достижениях российской социально-экономической мысли в период с XVIII по первую треть XX столетия // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2013. № 8(62). С. 21–28.

Л.Г. Истягин д.и.н.
Арзуманян Анушаван Агафонович (1904–1965)

Академику Анушавану Агафоновичу Арзуманяну принадлежит честь разработки и практического применения в исследовательском процессе концепции синтеза политэкономических подходов с конкретно-экономической, социологической и, частично, политологической аналитикой явлений и процессов в обширной сфере мировой экономики и международных отношений. Он был в числе тех, кто активно способствовал преодолению вредного антагонизма, возникшего в первые послевоенные годы, при деструктивном вмешательстве властных верхов, между теоретическими обобщениями и аналитическими методами, применявшимися исследователями-эмпириками при изучении зарубежной действительности, прежде всего западного капитализма. Деятельность А.А. Арзуманяна остается пока недостаточно исследованной вследствие не только закрытости некоторых архивных фондов, но и ввиду особенностей фиксации его политических позиций и квалификаций. В то же время значение его творчества и актуальный интерес к нему научной общественности в современных условиях определенно и закономерно возрастает.

А.А. Арзуманян родился 14 февраля 1904 года в селении Каварт Зангезурского уезда Елисаветпольской губернии (Армения). Отец – рабочий на нефтепромыслах Баку, затем на Кафанских медных рудниках, где с 1911 г. он стал подрядчиком-десятником. После революции отец вернулся на закрывавшийся на несколько лет рудник, где вырос до заведующего предприятием, но в 1931 г. попал под обвал и получил увечье. Мать – домохозяйка, умерла в 1919

г. Высокий уровень грамотности в семье располагал к учению. Мальчик после двухгодичной начальной школы поступил в реальное училище и успешно закончил его полный курс в 1918 г., что дало ему по тому времени солидный багаж знаний и общей культуры с уклоном в сторону конкретно-хозяйственных интересов. На первых порах молодой выпускник реального училища предпочел общественную стезю и сразу же на ней продвинулся. В 1920 г. он вступил в комсомол и вслед за этим – в партию. А.А. Арзуманян становится одним из организаторов комсомола в своем родном уезде. Затем последовала череда руководящих комсомольских должностей – вплоть до поста заместителя секретаря ЦК ЛКСМ Армении в 1928 г. Но увлеченность кипучей бучей молодежного движения лишь на время отодвинула тягу к учебе, продолжению образования и в том же 1920 г. будущий академик оказывается в Институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова в Москве, успешно туда поступает и там учится, но только два года из четырех. Со 2-го курса следует его откомандирование в Курдукулинский район Армении, где он опять-таки отдается организационной (в основном, однако, хозяйственной) работе и позже с гордостью напишет в своей «Автобиографии», что район при нем оказался единственным районом сплошной коллективизации в республике (6).

В феврале 1933 г. А.А. Арзуманян делает удавшуюся попытку поступить на подготовительное отделение Института Красной профессуры в Самаре, но, сдав туда все требуемые экзамены, перемещается в Москву и здесь занимается своим образованием уже более фундаментально – поступает в Аграрный институт Красной профессуры, который и заканчивает в феврале 1936 года, побывав в течение учебы, по своему обыкновению, и на общественном посту – секретарем партбюро. С тех пор аграрная проблематика в сочетании с иными хозяйственными вопросами, от отечественных до международных, навсегда становится важным объектом внимания Арзуманяна – ученого и политика, хотя к глубинной разработке ее он вернется фактически лишь после войны, опубликовав, однако, в 1934–1936 гг. ряд серьезных журнальных материалов по этой тематике (7).

Возобновление административно-партийной работы продолжилось и после учебы. Но вскоре последовало драматическое осложнение в его жизни. После учебы Арзуманян был избран первым секретарем райкома партии, носящего имя его друга и родственника, члена политбюро ЦК ВКП(б) А.И. Микояна, затем был избран на аналогичную должность в Ереване (февраль 1937 г.) Решив, наконец, сменить амплуа, он переходит на преподавательскую работу, становится ректором Ереванского университета, и почти сразу же (в ноябре 1937 г.) был арестован. В каземате в соответствующих условиях пришлось провести долгих 17 месяцев и только в начале 1939 г. на волне тогда наступивших временных послаблений А.А. Арзуманян выходит на свободу. Ежовский узник, хотя и не был судим, фактически остался под неким полуподозрением. Путь к очередному витку общественной карьеры оказался для него закрытым, отчего Арзуманян – ученый и педагог только выиграл. Он становится преподавателем того же университета, где недавно ректорствовал, и начинает систематические штудии по истории классической политэкономии, завершив их накануне войны написанием своего первого небольшого труда (точное название «К вопросу о классовой сущности, методе и теории стоимости английской классической политэкономии»), предназначавшегося, по-видимому, для использования в качестве методического пособия.

В июне 1941 г. А.А. Арзуманян добровольцем уходит на фронт, служит в политорганх ряда формирований, побывав в течение войны в Иране, Польше, Чехословакии и Германии. Его боевые награды: ордена Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды, медали.

Демобилизовавшись в 1946 г., А.А. Арзуманян возвращается к педагогической и научной работе. Он занимает посты декана и проректора Азербайджанского госуниверситета имени В.М. Молотова в Баку. В индивидуальном порядке разрабатывает проблему аграрного кризиса в России в 80–90 гг. XIX в. и успешно защищает по этой теме диссертацию на степень

кандидата экономических наук (аттестация ВАКА –14.01.1948). Хотя резонанс работы был относительно скромным, она имела и сохраняет определенное научное значение. В этом труде, как подчеркивает известный экономист-аграрник академик РАН В.А. Мартынов, подверглись основательному анализу мало изученные аспекты переходных стадий аграрного строя, включая вопросы мобилизации земельной собственности, тенденции к аграрному перепроизводству и развитию кризисных процессов (9, с. 195).

Знаменитая дискуссия по поводу учебника политэкономии 1951–1952 гг. побудила А.А. Арзуманяна к более активному включению в научные споры по большому спектру экономической теории и практики; он сумел обратить на себя внимание содержательностью и основательностью своих суждений. Именно тогда у него созрел план перебраться в Москву. Тесные отношения, установленные с руководством Института экономики АН СССР, увенчались осенью 1952 г. переводом (при возможном содействии А.И. Микояна) в штаты института. Приказом директора ИЭ академика К.В. Островитянова от 1 сентября 1952 г. Арзуманян был назначен и.о. зав. сектором империализма и общего кризиса капитализма. Вскоре произошло организационное изменение: существовавшие в институте секторы Стран Востока и Империализма и общего кризиса капитализма были объединены в один – Сектор проблем империализма и национально-колониальных проблем, а заведующим объединенной структуры был назначен А.А. Арзуманян (6). Кто бы ни был инициатором такой мини-реформы в рамках Института экономики АН СССР, она вполне благоприятствовала перспективным видам учебного, который от своих разработок аграрного вопроса мог теперь переходить к связанному с ними и чрезвычайно тогда актуальному пласту колониальных (и неколониальных) сюжетов, включая соответствующие интересы советской большой политики.

Понятно, что, пока был жив И.В. Сталин, конкретные проекты исследований в основном лишь взвешивались, учитывался печальный опыт недавно закрытого за «ревизионистские ошибки» Института мирового хозяйства и мировой политики (ИМХМП). А.А. Арзуманян оказался в числе первых ученых экономистов, кто попытался рискнуть хотя бы намеками выйти за пределы осторожных наблюдений. В написанной им еще до смерти Сталина и вышедшей в свет сразу же после похорон (подписание в печать 28.03.1953 г.) небольшой по объему работе, которой специально была придана непритязательная форма популярной брошюры, о характере экономических законов при социализме (1), автор, совершив все положенные реверансы перед «гениальными» формулами вождя, делает, однако, акцент на обязательность политэкономических законов также и для социалистической системы, поскольку такие законы суть «законы социологические», имеющие отношение ко всем фазам общества», что и требовало рассмотрения «системы экономических законов и категорий в их диалектическом единстве». Автором ясно подсказывался вывод, что «в диалектическом единстве» следует воспринимать и взаимоотношения экономических субъектов в аспекте мировой экономики и политики. Подчеркивание автором работы тезиса о «максимальном удовлетворении» потребностей трудящихся, соседствовавшее с рекомендацией поворота к повышению производства товаров массового спроса (специально упоминались легкая и пищевая отрасли промышленности) было равнозначно косвенному указанию на необходимость разгрузки народного хозяйства страны от непосильного бремени непроизводительных расходов, включения в мировое разделение труда. Если к тому же учесть, что брошюра вышла огромным, 500-тысячным, тиражом, то станет очевидным и дополнительный замысел автора – попытаться повлиять на общественное сознание в том же направлении.

Более обстоятельно ученый развернул систему своих новых взглядов по международной проблематике в работе следующего года «Что такое империализм?» (2), также имевшей нарочито непритязательное популярное преподнесение (разгрузка научного аппарата, облегченная подача, стиль, язык и т.п.). Наряду с резко критическими квалификациями в адрес мирового империализма, в большинстве заслуженными, но не являвшимися новыми, в этой

книге обращал на себя внимание – и это было принципиально важно – опять-таки перенос акцента на общие для капитализма и социализма уже не только «законы» и «закономерности», но и на подлежащие решению проблемы, хотя вина за их возникновение упрощенно возлагалась только на одну, капиталистическую, сторону. К таким проблемам в первую очередь автором были отнесены войны и конфликты; милитаризация; разорение и обнищание широких социальных слоев; кризисные явления в сельском хозяйстве; отставание и деградация периферийных стран, в том числе и недавно освободившихся от прямого колониального гнета; подрыв демократии, ограничение прав и свобод граждан, полицейский произвол (2. С. 78–79).

Сделанная в этих работах заявка на принципиально новый подход к изучению мировой проблематики не была только инициативой автора; она опиралась на определенные ориентации, и даже структурные меры, Института экономики АН СССР, заместителем директора которого по научной части А.А. Арзуманян становится с сентября 1953 г. (временное исполнение – с апреля 1953 г.). В августе 1954 г. Президиум АН утвердил решение дирекции ИЭ о назначении «академика Варга Е.С. и кандидата экономических наук А.А. Арзуманяна» руководителями проблемного направления «Воспроизводство и кризисы в эпоху империализма и общего кризиса капитализма». Речь, таким образом, велась о восстановлении проблемного ядра закрытого ИМХМП, причем естественным главой этой структуры определено рассматривался Арзуманян ввиду преклонного возраста Е.С. Варги (тому шел 75 год). XX съезд партии (1956 г.) придал новый стимул этому процессу, но вызвал и необходимость в более широких структурных, тематических и междисциплинарных решениях.

В апреле 1956 г. А.А. Арзуманян назначается директором вновь созданного, в том числе и по его инициативе, Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) и с жаром отдается чрезвычайно кропотливой работе по развертыванию нового суперцентра экономических и политических исследований. Талант и опыт организатора, обаятельные свойства натуры помогли решить множество нередко очень щепетильных вопросов по трудоустройству и рациональному использованию нескольких сотен ученых с разными предшествующими судьбами и порой осложнениями в личной и творческой жизни. Основной костяк (около 90 человек) составили выходцы из Института экономики АН СССР, но вдвое больший контингент поступил из различных источников – из МГУ, МГИМО, педвузов, из журналистики, дипломатического, военного и иных ведомств. Всего по штатному расписанию в первоначальный состав института набиралось 300 человек (11. С. 108–109, 116–117).

А.А. Арзуманян со своими ближайшими подвижниками образовал 12 секторов-подразделений, сочетавших страновой и проблемный профили. В большинстве своем эти подразделения возглавили высококомпетентные исследователи, что полностью подтвердилось в дальнейшем. Директором была решена весьма важная и очень тогда трудная проблема информационного обеспечения исследовательского процесса. Были установлены и стали интенсивно практиковаться контакты с исследовательскими организациями сходного типа в социалистических странах и в капиталистическом зарубежье. А.А. Арзуманян принял непосредственное участие в создании и определении тематической программы печатного органа института журнала «Мировая экономика и международные отношения» («МЭиМО»), вошел в состав его редколлегии (с 1953 по 1957 г. он являлся членом редколлегии и заместителем главного редактора журнала Института экономики АН СССР «Вопросы экономики»).

Главное внимание, особенно на стартовом этапе организации института в течение примерно 2–3 лет, А.А. Арзуманян уделял определению тематических областей и векторов исследовательской деятельности. В серии своих статей и выступлений, начиная с программной статьи, опубликованной в «МЭиМО» в апреле 1957 г., А.А. Арзуманян в качестве приоритетных и первоочередных выделял, наряду с проблемами «неустойчивости капиталистической экономики» (смягченная формула по сравнению с предыдущими тезисами о безысходной кризисности), вопросы, связанные с достижениями и следствиями технического прогресса, (ранее

чаще всего обходившегося); масштабами и социальным влиянием экономического милитаризма, характера пределов эффективности государственного регулирования; путями и средствами развития экономически слабых стран. Позднее, уже в начале 1960-х гг., к указанным проблемным сюжетам добавились вопросы западно-европейской интеграции – при решающем содействии А.А. Арзуманяна восторжествовала ее трактовка как «объективной тенденции»; социальных процессов в странах капитала, что в частности побудило к исследованию (оно велось под непосредственным контролем, участием и руководством директора) проблем городских средних слоев, мелкой буржуазии, своеобразия положения и политической роли интеллигенции, ее различных групп и слоев. Понадобилось, с учетом актуальной исследовательской потребности, создать – и опять-таки впервые в российской науке – специальное подразделение по изучению социальных проблем (9. С. 200).

Как раз с ориентацией по этим и связанным с ними проблемным комплексам директором ИМЭМО осуществлялось и кадровое оснащение. Были открыты шлюзы для творческого приобщения к деятельности основного центра через многочисленные дискуссии, которые до тех пор гасились либо заформализовывались, с привлечением максимального количества свежих сил, особенно из среды молодых ученых, которых директор умел расположить к сотрудничеству с основным коллективом, а по возможности и к включению в него.

Непосредственно на себя Арзуманян взял руководство разработкой двух взаимосвязанных тем: «Экономические циклы в условиях общего кризиса капитализма» и «Мирное сосуществование двух систем». Тем самым А.А. Арзуманян в известной мере последовательно продолжил и поднял на новый уровень проблемное направление, которое он и Е.С. Варга вели с 1953 г. в Институте экономики АН СССР. Крайняя перегруженность организаторскими функциями и катастрофически ухудшавшееся здоровье вынуждали к осмотрительному выбору собственных рамок исследования. Арзуманян предпочел для себя жанр своеобразных микромонографий, позволявших ему выделять ключевые сюжеты, а заодно и ориентировать коллег-экспертов в специфике возникающих или меняющихся феноменов.

Особенно большое значение Арзуманян придавал тогда «третьему миру», где в это время шел бурный процесс обретения независимости и крайне сложный и противоречивый поиск путей дальнейшей ориентации.

В своем подлинно новаторском по постановке проблем докладе, сделанном на Конференции солидарности народов Азии и Африки в декабре 1957 г. в Каире, А. Арзуманян, полностью отклонив циркулировавшие в международной общественности идеи экспорта социалистических революций как средство решения проблем развития, сосредоточил внимание на таких реальных проблемах, как индустриализация, поиск и обеспечение рынка; инвестиции, вскрытие и использование внутренних ресурсов; принципы и практика оказания помощи слаборазвитым странам со стороны индустриальных держав и системы международных организаций (3. С. 419–452). Именно под углом зрения такой «реальной политики», с четким учетом предшествующих политэкономических наработок вел свои исследования в данной области созданный в ИМЭМО Отдел развивающихся стран, который возглавил один из талантливейших учеников Арзуманяна, член-корреспондент АН В.Л. Тягуненко.

Специфическую сложность составляла проблематика международных отношений. Ни в ИМЭМО, ни в Институте экономики соответствующих специальных структур не существовало. Опереться на прецедент не представлялось возможным. Арзуманян, не считая себя вполне компетентным в этой области, предпочел в данном случае целиком положиться, также типичный для него прием, на ученого, которому он безусловно доверял, молодого одаренного исследователя и организатора, кандидата исторических наук Н.Н. Иноземцева. Выбор полностью себя оправдал. Н.Н. Иноземцев вместе со своей командой (сначала сектор потом отдел), в которую вошли Д.Г. Томашевский, В.И. Гантман, А.Д. Никонов, О.Н. Быков и другие исследователи, в короткие сроки добились существенных результатов в изучении проблематики, внедрив

и освоив в этой сфере тот же арзуманьяновский метод синтетического междисциплинарного анализа, комплексного, полифакторного подхода к теории международных отношений и к реалиям текущей политической действительности.

По понятным причинам А.А. Арзуманян и его коллеги в открытых публикациях могли лишь обиняком касаться хорошо им известных недостатков экономики социалистических стран, как и социальной и политической жизни в целом. Поэтому особое значение приобретали закрытые записки, посланные в инстанции с рекомендациями использования различных сторон зарубежного опыта. Таковы были, в частности, материалы о производстве на Западе потребительских товаров, о происходящем там снижении фондоемкости выпускаемой продукции; о повышении эффективности аграрной экономики и т.п. (9. С. 205–206). Став в 1962 г. действительным членом АН (чл.-кор. он был избран в 1959 г.), Арзуманян сразу же избирается секретарем Отделения экономики и членом Президиума АН. А.А. Арзуманян отдает много сил (которые у него буквально с каждым месяцем таяли) содействию отечественной экономике со стороны академических организаций. По инициативе либо при самой активной поддержке Арзуманяна была проведена реорганизация исследований Института экономики АН СССР, были созданы Институт экономико-математических исследований во главе с член-корреспондентом АН Н.П. Федоренко и Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН (директор А.Г. Аганбегян); развернута широкая кампания по внедрению экономико-математических методов в исследования по большому спектру экономических, социальных, и даже политологических, дисциплин (9. С. 205–206).

К сожалению, лишь некоторые из практических рекомендаций, выработанных руководимыми А.А. Арзуманяном коллективами, нашли, да и то обычно лишь частичное, одобрение в верхах, и тем более применение на практике. В целом эффективность социалистической экономики продолжала неудержимо и нарастающими темпами снижаться, что и явилось в конце концов причиной последовавшего коллапса и краха. Ныне многие положения исследований тогдашних творческих центров, координировавшихся А.А. Арзуманяном, обнаруживали свою недостаточность, неполноту, неадекватность. Тут нет ничего удивительного. За годы, истекшие со дня смерти А.А. Арзуманяна (18.07.1965), жизнь продемонстрировала целый ряд грандиозных, в том числе никем не ожидавшихся, метаморфоз. Удивительно другое: очень многие из заключений тогдашних наук – от политэкономии до конкретной аналитики, причем даже тех, что казались идеологически перегруженными, приобретают в условиях глобализации новые грани убедительности. Это касается многих аспектов того самого кризиса капитализма, который многим представлялся (выяснилось преждевременно) окончательно преодоленным. И уж во всяком случае полностью сохраняет свое научное значение выношенная и практиковавшаяся А.А. Арзуманяном методология комплексной междисциплинарной мультисистемной аналитики.

2009 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы А.А. Арзуманяна

1. И.В. Сталин о характере экономических законов при социализме. М.: Знание, 1953.
2. Что такое империализм. М.: Госполитиздат, 1954.
3. Проблемы современного капитализма. Сб. статей к 80-летию академика Е.С. Варга / Под.ред. и с предисл. А.А. Арзуманяна. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
4. Борьба двух систем и мировое развитие. М.: «Наука», 1964.
5. Экономические проблемы общественного развития. Избр. труды. М.: «Наука», 1968.

Литература о А.А. Арзуманяне

1. Архив ИМЭМО РАН. Фонд 1978, опись 3А, ед. хр. «Личное дело Арзуманяна А.А.».
2. Архив ИМЭМО РАН. Фонд 1978, Опись 3, ед. хр. «Материалы В.Г. Солодовникова»
3. *Иноземцев Н.Н.* Научная деятельность А.А. Арзуманяна и актуальные задачи исследования мировой экономики и международных отношений // МЭМО, 1975, № 5.
4. *Мартынов В.А.* Академик Арзуманян А.А. (1904–1965) // Ученые-экономисты России. М.: Институт экономики РАН. 1999. С. 193–210.
5. *Федоренко Н.П.* Вспоминая прошлое, заглядываю в будущее. М.: Наука, 1999.
6. *Черкасов П.П.* ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. М.: Весь мир, 2004.

Л.Г. Суперфин к.э.н.
Блюмин Израиль Григорьевич (1897–1959)

Выдающийся советский ученый, специалист в области истории экономической мысли, Израиль Григорьевич Блюмин, родился 5 июня 1897 г., с 1919 по 1921 г. служил в Красной Армии. Окончил МГУ в 1924 г., Коммунистическую академию – в 1930 г. В Институте экономики АН СССР работал в 1930–1956 гг., затем в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР до 1959 г.

В 1928 г. вышел уникальный по своему размаху и глубине фундаментальный труд Блюмина «Субъективная школа в политической экономии (второе издание – в 1931 г.), в которой была развернута широкая панорама немарксистской экономической мысли конца XIX – первых десятилетий XX в. с концентрацией на австрийской, англо-американской и математической школах. Блюмин тщательно и тонко проанализировал весь спектр проблем, рассматриваемых представителями данных направлений, вскрыл внутреннюю логику представленных здесь идей, показал процесс их развития, осуществлявшийся в постоянной борьбе и взаимодействии различных точек зрения, исходя из общеметодологических принципов марксизма (альтернативы в те времена в СССР быть не могло). При этом Блюмин стремился избежать крена в политико-идеологическую риторику и следовать максимально серьезному и аналитическому подходу к западной политэкономии. Ученый отмечал: «В своей критике я исходил из следующего принципа – я пытался встать на точку зрения критикуемого автора, выяснить его основную аргументацию, выделить в последней рациональное ядро и затем показать, как

и почему возникает ошибочность критикуемых положений» («Проблемы экономики». 1931. № 3. С. 175). Подобный подход не имел ничего общего с выдергиванием отдельных цитат для доказательства заранее сконструированной примитивной идеологизированной схемы, что получило вскоре широкое распространение в советской литературе, посвященной подобной тематике. Благодаря талантливой монографии И.Г. Блюмина целые поколения экономистов могли приобщиться к современной экономической мысли в ее высококвалифицированной и добросовестной подаче. Примечательно, что до сих пор глава, посвященная В.К. Дмитриеву как выдающемуся представителю российской математической школы, не только не потеряла своей научной значимости, но до последнего времени являлась наиболее развернутым рассмотрением его идей.

Непредвзятому читателю было ясно, что сформировался исследователь европейского масштаба, и казалось, что неординарный дебют молодого автора должен был стать началом блистательной научной карьеры, однако на деле он явился ее вершиной, и не по вине ученого, судьба которого сложилась весьма драматично (хотя и не самым трагичным по тем временам образом). В стране утвердился тоталитарный режим, требовавший единомыслия, в том числе жестко идеологизированного, однозначно-негативного отношения к любым направлениям пострикардианской немарксистской экономической мысли, критика которой рассматривалась как одна из форм непримиримой классово-борьбы.

В русле этой тенденции в начале 1930-х гг. на страницах периодических экономических изданий развернулась антиблюминская кампания, по характеру и тональности более напоминавшая судилище, нежели научные дискуссии. Агрессивно-невежественным проработкам подверглись как «Субъективная школа», так и монография Блюмина «Очерки современной буржуазной теоретической экономики» (1930 г.), где был дан содержательный анализ концепций социального направления, сложившегося в экономической мысли Запада конца XIX – первых десятилетий XX в. Блюмина обвиняли в том, что он «скатился в болото вульгарной политической экономики». Его работы были заклеены как «вредные» и «ревизирующие марксизм», и выдвигалось требование «положить этому предел». В результате в Институте экономики АН СССР, где в то время работал Блюмин, было принято решение перебросить ученого на другую тематику – на изучение конкретной экономики, результатом чего явилась вышедшая уже в 1934 г. монография «Капиталистическое комбинирование». Значительно восполнив пробел, существовавший в данной области в советской литературе, Блюмин обстоятельно проанализировал процесс комбинирования в условиях современного западного хозяйствования, показал его движущие силы, формы, роль в системе монополистического интегрирования. Блюмин не мог обойти вниманием и теории комбинирования, выдвигавшиеся буржуазными экономистами и социал-демократами.

Позднее исследования в области истории экономических учений Блюмину предложили продолжить на материалах отечественной литературы, и в 1940 г. вышла в свет его книга, посвященная малоизученной теме – экономическим идеям в России первой половины XIX века. В этой содержательной и оригинальной работе Блюмин показал, как представители различных течений русской общественной мысли стремились использовать политическую экономию для обоснования своих практических целей. Одной из основных задач Блюмина было показать, что российские авторы не ограничивались изложением тех или иных взглядов крупнейших западноевропейских экономистов, а творчески перерабатывали их применительно к специфическим условиям России.

В послевоенный период Блюмин содействовал изданию в 1948 г. на русском языке классической работы Дж.М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег», к которой он написал масштабную вводную статью. Эта статья, вкупе с предыдущими исследованиями ученого, была использована в качестве обвинительных материалов во время пресловутой кампании по борьбе с космополитизмом, не обошедшей ученого стороной.

В 1953 г. вышла монография Блюмина «Критика современной буржуазной политической экономии Англии». Пропущенная через жернова той леденящей эпохи, под сильнейшим прес-сом активного вмешательства редактора, самолично беспардонно «заострявшего» материал, она носила не свойственный природе ученого, чрезвычайно скромного и деликатного человека, резко выраженный агрессивный, предельно политизированный и идеологизированный характер. В то же время работа демонстрировала незаурядную эрудицию автора в области современной английской экономической литературы, знакомила читателя с комплексом поднимаемых в ней проблем и содержала целый ряд тонких наблюдений, касающихся в основном отдельных частных вопросов. Значительно ниже возможностей Блюмина по тем же объективным причинам была и его монография 1956 г. – «Очерки критики современной буржуазной политической экономии США», из которой, однако, также можно было извлечь гораздо больше полезной информации, нежели из любой другой работы того времени по аналогичной теме.

В 1959 г. вышла последняя работа Блюмина «Кризис современной буржуазной политической экономии». В ней в традиционных идеологических рамках, придерживаясь ритуальной словесной атрибутики, Блюмин на основе обширного материала сумел показать глубокую теоретическо-методологическую, а в значительной степени и целевую, переориентацию западной экономической мысли, что по существу говорило о кризисе ее устаревших понятий и принципов, о ее стремлении преодолеть этот кризис и адаптироваться к новым историческим условиям.

В послевоенные годы Блюмин в качестве профессора преподавал курс по истории экономической мысли Запада на экономическом факультете МГУ, где снискал глубокую симпатию и уважение студентов, оценивших в большинстве своем его уникальность и значительность. Скончался И.Г. Блюмин 1 июня 1959 г. в Москве, после неудачной операции.

2005 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы И.Г. Блюмина

1. Субъективная школа в политической экономии. Т. 1–2. М.: Изд-во Ком. Академии. 1928 (2-е изд. 1931 г.).
2. О современной буржуазной политической экономии. М.: Соцэргиз, 1958.
3. Очерки современной буржуазной теоретической экономии (К характеристике социального направления). М.: Изд-во Ком. Академии, 1930.
4. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
5. Критика современной буржуазной политической экономии Англии. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
6. Очерки современной буржуазной политической экономии США. М.: Госполитиздат, 1956.
7. Кризис современной буржуазной политической экономии. М.: Изд-во ИМО, 1959.
8. Критика буржуазной политической экономии. Т. 1–3. М.: Изд-во АН СССР. 1962.

Литература о И.Г. Блюмине

1. Аникин А.В. Израиль Григорьевич Блюмин // Люди науки. Встречи с выдающимися экономистами. М.: Дело Лтд. 1995. С. 50–56.
2. Блюмин И.Г. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 1. М., 1972. С. 166.

3. *Суперфин Л.Г.* Так утверждались стереотипы (к критике зарубежной буржуазной политической экономии (20–30-е годы) // Вопросы экономики. 1991. № 1. С. 144–155.

Б.А. Хейфец д.э.н.
Б.А. Шмелев д.и.н.
Богомолов Олег Тимофеевич (1927–2015)

Нам посчастливилось более 40 лет работать и общаться с выдающимся русским ученым-экономистом, академиком Российской академии наук Олегом Тимофеевичем Богомоловым.

Для каждого из нас существует свой Олег Тимофеевич. Многим из нас он открыл наш путь в науку. Для одних он был еще руководителем курсовых и дипломных работ, которые выполнялись на руководимой им в 1967–1977 гг. кафедре «Экономической географии зарубежных социалистических стран» на географическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Или руководителем кандидатских диссертаций и консультантом докторских диссертаций, защищенных в институте О.Т. Богомолова – Институте экономики мировой социалистической системы, в 1991 г. ставшем Институтом международных экономических и политических исследований Российской академии наук. Для других он был товарищем и коллегой по работе, мудрым советчиком и вдохновителем многих творческих начинаний.

О.Т. Богомолов родился 20 августа 1927 г. в Москве. В 1949 г. окончил Институт внешней торговли Министерства внешней торговли СССР. Свою научную деятельность О.Т. Богомолов начал в 1957 г. в НИЭИ Госплана под началом академика А.Н. Ефимова, сплотившего вокруг себя таких подающих надежды исследователей, как С. Шаталин, А. Анчишкин, Э. Ершов, и других незаурядных ребят. И далее в созданном Ю.В. Андроповым Отделе ЦК КПСС, где сотоварищами О.Т. Богомолова оказались А. Бовин, Ф. Бурлацкий, Г. Шахназаров. Эти имена говорят сами за себя. В таком творческом окружении формировалось мировоззрение и прогрессивные взгляды будущего академика.

Роль О.Т. Богомолова в российской экономической науке трудно переоценить. Он был человеком широких взглядов и интересов, интеллектуал из плеяды старой академической школы. Круг проблем, над которыми он работал, довольно широк. Олег Тимофеевич опубликовал более 500 работ в области сравнительного анализа экономики и политики переходного периода, а также международной экономики и внешнеполитических проблем, которые изданы в России (СССР) и во многих зарубежных странах. И находился в постоянном научном поиске новых направлений исследований. С этим связаны его актуальнейшие работы о взаимодействии и взаимовлиянии экономики и других сфер общественной жизни (идеологии, политики, административных отношений, культуры, нравственности, религии). Большое внимание он уделял преподавательской работе в Государственном университете управления. Олег Тимофеевич издал один из лучших в настоящее время учебников по мировой экономике – «Мировая экономика в век глобализации».

О.Т. Богомолов был гениальным организатором науки, сумев сплотить вокруг себя дружный коллектив единомышленников, учеников и коллег, создав практически с нуля знаменитый Институт экономики мировой социалистической системы, переименованный в период постсоветских реформ в Институт международных политических и экономических исследований. Поражает кадровое чутье О.Т. Богомолова. Сколько ярких исследователей обрели общероссийскую и международную известность, работая вместе с ним! Олег Тимофеевич, невзирая на многие имевшиеся в СССР догматические нормы кадровой политики, привлекал на работу не только способную молодежь, но и опальных талантливых ученых, которые впоследствии стали составной частью высокого имиджа богомоловского института. А сам богомоловский институт стал ярчайшим явлением в научной и политической жизни – сначала СССР, а затем и России. Научные позиции Института так или иначе обеспечили ему признание среди научной общественности не только стран Центральной и Восточной Европы, Китая и Вьетнама, но и стран Запада.

Принадлежность к институту Богомолова многие годы считалось высоким знаком компетентности и профессионализма. Из его стен вышли многие выдающиеся ученые, публицисты, политики и общественные деятели. Золотой фонд богомоловского института составляли получившие известность ученые: Е.А. Амбарцумов, А.П. Бутенко, А.Н. Быков, Р.С. Гринберг, С.П. Глинкина, В.И. Дашичев, И.В. Дудинский, Р.М. Евстигнеев, И.М. Клямкин, Ю.Ф. Кормнов, О.Р. Лацис, Г.С. Лисичкин, К.И. Микульский, А.Д. Некипелов, И.И. Орлик, М.П. Павлова-Сильванская, Т.В. Рябушкин, Г.М. Сорокин, М.Е. Тригубенко, А.С. Ципко, В.М. Шаститко, Л.Ф. Шевцова, Ю.С. Ширяев, Н.П. Шмелев, Г.И. Шмелев, Б.А. Шмелев, Я.Б. Шмераль, Л.С. Ягодовский. Из числа работавших в институте ученых трое стали действительными членами и пятеро – членами-корреспондентами Российской академии наук.

О.Т. Богомолов неоднозначно принял решение о слиянии института (тогда уже Института международных экономических и политических исследований) с Институтом экономики РАН. С одной стороны, он понимал, что подобные изменения необходимы в связи с складывавшейся ситуацией с ограниченным финансированием науки в стране. С другой, он осознавал, что многие концептуальные позиции двух институтов сильно различаются. Да и направленность исследований Института экономики была сконцентрирована на внутренних

проблемах страны без учета особенностей ее международного экономического и политического положения. Однако и в объединенном Институте экономики, не занимая официальных должностей в руководстве института, он стремился проводить линию на комплексное изучение актуальных проблем развития России, на усиление практической направленности проводимых исследований. В своих работах последних лет О.Т. Богомолов часто обращался к международному опыту, в том числе историческому, пытаясь найти то, что полезного может быть использовано для выстраивания новой политической и социально-экономической системы в России. Он критически оценил осуществленную реформу РАН, считая ее шагом, обескровливающим российскую науку.

Он долгое время возглавлял Диссертационный совет Института экономики по специальности 08.00.14. «Мировая экономика», который отличался высокими и принципиальными требованиями к защищаемым кандидатским и докторским диссертациям.

Наряду с научной деятельностью велик вклад О.Т. Богомолова в развитие гражданского общества. Ему довелось быть соучастником ряда эпохальных событий в жизни нашей страны. Олег Тимофеевич избирался депутатом Съезда народных депутатов СССР и первой Государственной думы независимой России, в составе которой работал заместителем Председателя Комитета по международным делам, был членом Консультативного совета при Президенте России, где обсуждались самые острые проблемы развития страны.

В нашей непростой российской действительности О.Т. Богомолов на всех уровнях своей научной, преподавательской и общественной деятельности поддерживал высокую моральную и нравственную планку Человека и Гражданина. Он до конца своей жизни задавал такие высокие параметры для всех окружающих. К нему всегда можно было прийти за мудрым советом не только по научным, но и житейским вопросам.

Олег Тимофеевич Богомолов с самого начала жестко выступил против проведения реформ методами шоковой терапии, всегда критиковал позицию Е.Т. Гайдара и его единомышленников, говоривших о всемогущей «руке» рынка и ненужности государственного вмешательства в экономику. О.Т. Богомолов не боялся оппонировать сильным мира сего, если был уверен в своей правоте. Об этом говорят его открытые письма, опубликованные в журнале «Огонек» в сентябре 1990 г., в связи с итогами XXVIII съезда КПСС. Чего также стоит его подпись под письмом Б.Н. Ельцину с резкой негативной оценкой проводимых правительством реформ в феврале 1992 г. Это письмо, составленное им и академиком Г.А. Арбатовым и подписанное рядом других членов Консультативного совета при Президенте России, фактически означало их добровольный выход из этого совета, что и случилось. Олег Тимофеевич активно работал в российско-американской Группе экономических преобразований, объединившей видных ученых, в том числе лауреатов Нобелевской премии, в желании предложить альтернативу радикально-либеральному реформированию в России. Члены группы в 1996 г. и 2000 г. предлагали в своих обращениях к Президенту России альтернативную повестку дня реформ. В 2010-е годы он вместе с другими видными экономистами встречался и с Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, где особо подчеркивал необходимость выполнения нормы российской Конституции о социальном характере государства.

В последние годы жизни О.Т. Богомолов особое внимание уделял проблемам анализа и прогноза развития глобальной экономики и всего мироустройства в целом. Он считал губительным для России и мировой экономики бездумное следование постулатам либерального рынка, отраженным в Вашингтонском консенсусе, и выступал за усиление роли государства в регулировании экономики и жизни общества. Олег Тимофеевич возглавлял экономическое направление в рамках масштабного международного проекта Горбачев-Фонда, отдавая много сил изучению процесса глобализации, ее движущим силам, главным бенефициарам и проигравшим, позитивным и негативным последствиям этого процесса. Еще одним новаторским

направлением исследований академика, которому он много внимания стал уделять в 2010-е годы, стало взаимодействию экономики и общественной среды.

О.Т. Богомолов пользовался широкой международной признательностью и заслуженным авторитетом среди коллег-экономистов зарубежных стран. Он был членом Комитета «За европейское сотрудничество и безопасность», председателем Общества российско-венгерской дружбы; членом Исполкома Международной экономической ассоциации, избран ее Почетным президентом, состоял членом Исполкома по общественным наукам при ЮНЕСКО, председателем экономического комитета Парламентской ассамблеи ОБСЕ.

Многие идеи, высказанные О.Т. Богомоловым, находят свое подтверждение в нашей жизни. А многие еще ждут своего времени. Сам он разумно относился к своим научным исследованиям и рекомендациям. Его оптимистическое послание настоящим ученым и последователям прекрасно выражают такие слова: «Рано или поздно ошибочность господствующего общественного мышления и поведения обнаруживает себя, нередко через кризисы, катаклизмы, революционные взрывы, и научная истина, оставшаяся непризнанной, берет верх в сознании политической элиты и общественности. Поэтому я не прихожу в уныние оттого, что многое из высказанного мною в книгах и статьях как по вопросам международного экономического сотрудничества, так и нашей реформы общественно-экономического устройства не воплотилось в практику. Она, стало быть, пока не могла подтвердить правоту или ошибочность моих взглядов, но, думаю, и не опровергла их. А опыт других стран и обществ говорит о том, что многие из моих рассуждений не были уж столь абсурдны»²⁴.

О.Т. Богомолов был не только крупным ученым-экономистом, организатором науки, но и известным политологом, умевшим давать глубокий анализ политических процессов, развивающихся в мире, и в первую очередь в Советском Союзе, в социалистических странах, а затем, после распада СССР, в России и постсоциалистических странах. Он горячо, всем сердцем принял политику перестройки и сделал немало для теоретического и идеологического обоснования предпринятых тогдашним советским руководством политических шагов по реформированию советской экономики, по пересмотру советской внешней политики. Не его вина, что проводимые преобразования привели к распаду советского государства, к краху социализма. Он искренне переживал за судьбу страны, народа, но изменить ход истории было, конечно, не в его силах. Несмотря на то, что социализм в СССР и восточноевропейских странах потерпел поражение, он до последних дней был убежден, что за ним будущее человечества.

В 1993 г. он был избран депутатом Государственной думы и назначен заместителем Председателя Комитета по международным делам ГД. Здесь в полной мере раскрылись его способности политика и дипломата. О.Т. Богомолов в своей новой должности уделял особенно большое внимание установлению дружественных взаимовыгодных отношений сотрудничества с бывшими социалистическими странами Восточной Европы. Уже тогда наметился процесс отчуждения между Москвой и ее бывшими союзниками по Варшавскому договору и О.Т. Богомолов в меру своих возможностей пытался если не остановить, то хотя бы затормозить его.

О.Т. Богомолов оставил заметный след в судьбах многих людей, в истории нашей страны и нашей науки. И мы, его ученики, всегда с гордостью будем говорить, что мы работали вместе с О.Т. Богомоловым, под его руководством вносили свой посильный вклад в развитие и процветание России.

2020 г.

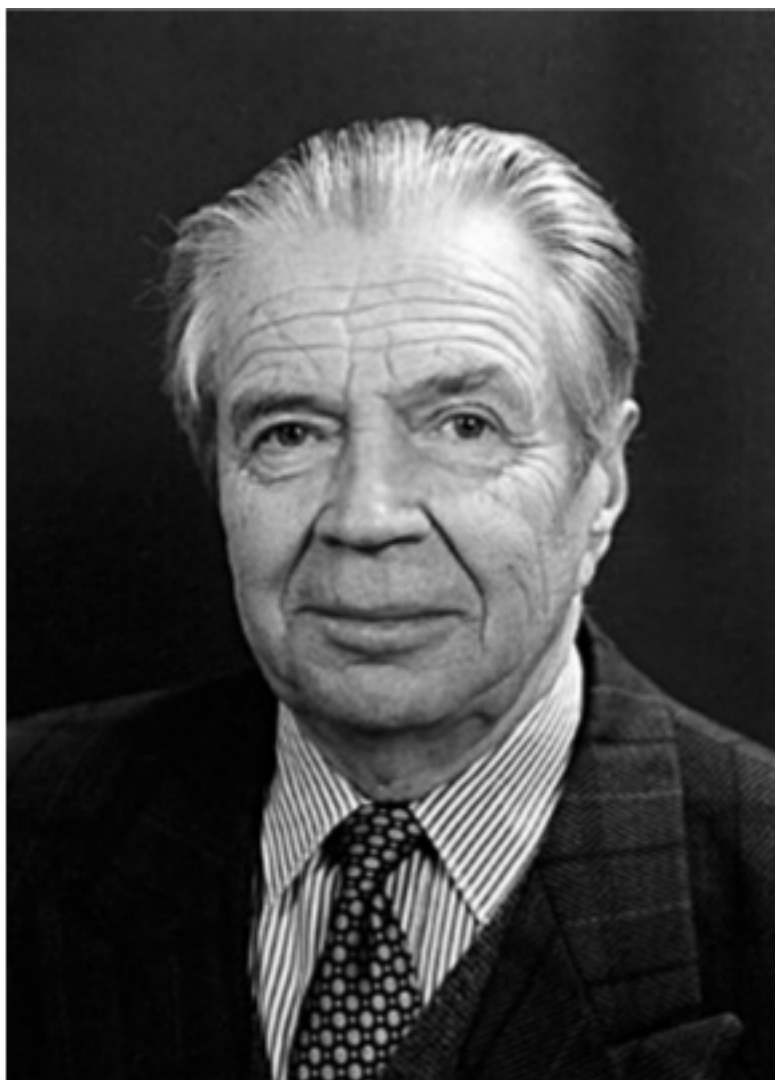
²⁴ Глобальная экономика и жизнеустройство на пороге новой эпохи. М.: Анкил, 2012.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы О.Т. Богомолова

1. Теория и методология международного социалистического разделения труда. М., 1967.
2. Страны социализма в международном разделении труда. М., 1980 (2-е изд. 1986).
3. Реформы в зеркале международных сравнений. М.: Экономика, 1998.
4. Моя летопись переходного времени. М.: Экономика, 2000.
5. Анатомия глобальной экономики. М., 2003.
6. Размышления о насущном. М.: Экономика, 2003.
7. Мировая экономика в век глобализации / Учебник. М.: Экономика, 2007.

Б.Е. Фрумкин к.э.н.
Буздалов Иван Николаевич (1928–2018)

Академик РАН Иван Николаевич Буздалов – один из лидеров агроэкономических исследований в Институте экономики РАН, вошедший в число классиков российской агроэкономической науки второй половины XX – первой четверти XXI века. Основа и движущая сила его научных достижений – в реальном, а не «через буфет», знании сельского хозяйства и села, понимании устоев крестьянского труда и социальной психологии крестьянства.

Иван Николаевич родился в семье крестьянина из села Кириллово – одного из более чем двадцати сельских поселений с таким названием, разбросанных на просторах России от Архангельской до Сахалинской области. Это село и сейчас сохранилось в Сухиничском районе Калужской области – типичном для средней полосы России – с небогатыми почвами, неустойчивостью земледелия из-за частых весенних заморозков и чередования жаркого сухого и холодного влажного лета, преобладанием трудоемких (да и сейчас не полностью механизированных) производств – картофеля, овощей и молока. Сельская жизнь там была нелегка и давала мало возможностей для всестороннего развития «человеческого капитала». Образовательно-культурная инфраструктура была представлена обычной сельской школой и единствен-

ным памятником архитектуры – полуразрушенной церковью, построенной в 1799 г. и закрытой в 1937 г. Формально не слишком отдаленная (84 км до Калуги и 242 км до Москвы), практически это была типичная среднерусская глубинка. Вырваться из нее и стать ученым общероссийского уровня было под силу лишь личности талантливой, высоко работоспособной, упорной и амбициозной.

Таковыми качествами в полной мере обладал И.Н. Буздалов. Но крупным ученым его сделало еще одно, может быть, самое главное, качество – объективный, научный подход к формированию своих взглядов и принципов и их последовательное отстаивание, невзирая на общественно-политическую конъюнктуру. Конечно, мировоззрение И.Н. Буздalова существенно эволюционировало за его более чем 60-летнюю научную жизнь. Однако, если считать название кирилловского колхоза – «Наука Ленина» – символическим, то Иван Николаевич в своей работе всегда делал акцент именно на первой части этого названия.

И.Н. Буздалов родился в ноябре 1928 г. – ровно за год до провозглашения И.В. Сталиным «Великого перелома» в развитии сельского хозяйства и принятия курса на форсированную, преимущественно принудительную, коллективизацию, жертвами которой стали миллионы крестьян. Только голод начала 1930-х гг. унес, по разным оценкам, от 1 до 5 млн жизней селян. Детство Ивана Николаевича было омрачено катастрофическими последствиями «коллективизационного раскрестьянивания», юность – лишениями военных и первых послевоенных лет. Пережив эти трудности, получив «трудовую закалку» в личном подсобном хозяйстве и колхозе, на себе испытал «эффективность» этой последней формы хозяйствования (трудодни с оплатой в несколько копеек или 200 г ржи и 5 кг соломы), И.Н. Буздалов был психологически готов к научному поиску путей рыночно-демократической трансформации сельского хозяйства и села. Этому помогла практическая работа – и.о. инженера Брянского областного управления сельского хозяйства (1947–1951). По окончании Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева И.Н. Буздалов впервые занялся научно-практической деятельностью: помимо основной работы зав. отделом экономики Пензенской государственной с.-х. опытной станции (1956–1957) самостоятельно исследовал проблемы экономического стимулирования труда в колхозах.

По-настоящему научная деятельность И.Н. Буздalова началась в аспирантуре Института экономики (ИЭ) АН СССР (1957–1962), с которым он был тесно связан всю дальнейшую жизнь: младший научный сотрудник (1962–1966), старший (1967–1979) и – после преобразования ИЭ АН СССР в Институт экономики РАН и объединения с Институтом международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН – главный (2005–2018) научный сотрудник. Иван Николаевич работал и в других научных центрах, прежде всего Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР, в 1990 г. преобразованном в ИМЭПИ РАН (ведущий, главный научный сотрудник – 1979–2005). Он активно участвовал в создании и развитии специализировавшегося на исследовании фундаментальных агроэкономических проблем и разработке современной аграрной теории Аграрного института (затем Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова – ВИАПИ) Всесоюзной (ВАСХНИЛ), потом Всероссийской (РАСХН) академии сельскохозяйственных наук – главный научный сотрудник, руководитель отдела (1991–2018). В системе АН СССР и РАН, а также ВАСХНИЛ и РАСХН И.Н. Буздалов прошел все ступени научной карьеры: кандидат (1962) и доктор (1973) экономических наук, профессор (1989). В 1995 г. он был избран академиком РАСХН, а в 2013 г. (после преобразования РАСХН в Отделение сельскохозяйственных наук РАН) – академиком РАН.

Иван Николаевич до конца жизни оставался активным и востребованным ученым. Он опубликовал около 700 научных и научно-публицистических работ, более половины которых включены в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Последние публикации вышли в свет в конце 2018 – начале 2019 г. уже после его скоропостижной кончины. И.Н. Буздалов

недолюбливал наукометрические оценки своей исследовательской работы, однако они говорят сами за себя. К началу 2018 г. в рейтинге РИНЦ «Топ-100 самых продуктивных российских ученых» почти 90-летний И.Н. Буздалов уверенно опережал многих гораздо более молодых, «современных» научных работников. Он занимал 13 место в категории «Сельское и лесное хозяйство» и 14 – в категории «Экономика. Экономические науки». В аналогичном рейтинге самых цитируемых российских ученых он занимал соответственно 18 и 33 места²⁵.

Путь И.Н. Буздалова в науке был достаточно тернист, в большой мере из-за его принципиальности в отстаивании интересов российского крестьянства, поисках оптимальных путей его возрождения в новых технологически-производственных, социально-экономических, да и общественно-гуманитарных, условиях развития российского АПК. Конечно, он работал в то время, когда научная самостоятельность, и особенно инакомыслие, уже не угрожали свободе, тем более, жизни, как это было с классиками российской и мировой агро-экономической науки А.В. Чаяновым и Н.Д. Кондратьевым. Тем не менее догматически настроенные партийно-бюрократические аппаратчики, причем не только в науке, которых он метко именовал «старьевщиками», активно мешали его исследованиям и научному росту. Их усилиями (включая давление и прямой подлог) была сорвана защита докторской диссертации И.Н. Буздалова в Институте экономики АН СССР в 1967 г. Она состоялась лишь через два года в Отделении общественных наук Эстонской АН, причем прохождение работы через ВАК СССР было затянуто еще на три года. С их подачи «из-за идеологически ошибочных положений» в 1967 г. был уничтожен тираж брошюры И.Н. Буздалова «Прибыль и материальная заинтересованность работников сельского хозяйства». В 1976 г. по тем же причинам издательство «Наука» отвергло его книгу «Эффективность и качество производства сельскохозяйственной продукции» (в соавт. с К.Х. Хатамовым), а в 1988 г. (и только благодаря настойчивой поддержке директора ИЭМСС академика О.Т. Богомолова) с двухлетним опозданием издало его монографию «Хозяйственный механизм в агропромышленной сфере стран СЭВ».

Несмотря на это противодействие, научная жизнь И.Н. Буздалова в целом сложилась удачно. Особенно плодотворными были ее начальный период, совпавший с «хрущевской оттепелью» и подготовкой в СССР экономических реформ, а также годы «перестройки» и начала строительства новой России. В первый период судьба свела его с т.н. «рыночниками» – учеными, повернувшими агроэкономическую науку к проблемам вывода аграрного сектора из глубокого кризиса и развития по модели современной мировой цивилизации – на основе рынка, личного интереса, раскрепощения крестьян, реальной кооперации. Это прежде всего В.Г. Венжер, ставший идейным наставником и научным руководителем аспиранта Буздалова, а также идейные единомышленники и коллеги по научной работе – Л.Н. Кассиров, М.Я. Лемешев, Г.С. Лисичкин, Л.В. Никифоров, В.А. Тихонов и, конечно, старый друг и соратник – Г.И. Шмелев. За свои прогрессивные позиции многие из них подвергались нападкам со стороны научно-бюрократического «бетона». Так, в 1975 г. чл.-корр. ВАСХНИЛ К.П. Оболенский вполне в духе 1937 г. доносил помощнику Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева о «противодействии осуществлению решений Мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС со стороны тесно сплоченной и организованной группы экономистов, в состав которой входят Венжер, Лисичкин, *Буздалов* (курсив мой. – *Б.Ф.*), Кассиров, Лемешев, Никифоров, Шмелев, Карлюк и др. Эти экономисты в газетах, журналах, в отдельных книгах выступали с критикой решений Мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС (денежные лимиты вместо планов; прибыль как единственный показатель эффективности и цель производства и т.п.). Хотя печатная продукция этих экономистов получила отрицательную оценку, но эта оценка не нашла должного резонанса. К тому же они не выступали с критикой своих порочных концепций. Аспиранты, преподаватели вузов продолжают ссылаться на эту литературу как на марксистско-ленинскую.

²⁵ dissertation-info.ru/index.php/-100-/237-100-.html.

Все это вносит большую путаницу в экономическую теорию и практику, вредит развитию экономической теории»²⁶.

В перестроечные и постперестроечные годы очень востребованными стали не только теоретические изыскания И.Н. Буздалова, но и его стремление и способность трансформировать их в практические предложения по направляемой и контролируемой государством рыночной перестройке аграрного сектора. В 1988 г. он был утвержден Постоянным советником Комиссии ЦК КПСС по аграрной политике и стал одним из авторов законов «О кооперации в СССР» (1988), «Основы законодательства СССР и союзных республик о земле» (1991), принимал участие в подготовке Указа Президента РФ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» (1991), Постановления Правительства СССР «О реорганизации колхозов и совхозов» (1991). Много лет он был членом Совета по вопросам агропромышленного комплекса при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, затем – Экспертного совета при Комитете Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию.

Оставаясь на принципиально рыночных позициях, И.Н. Буздалов в то же время критиковал государство за односторонний подход к аграрной реформе, ведущий к уклонению его от выполнения функций планомерного регулирования рыночной эволюции сельского хозяйства, к стихийной либерализации и шоковой терапии, способствовавших деградации и спаду сельхозпроизводства, росту социальной напряженности, демографическому и морально-нравственному регрессу села. Автору этих строк, работавшему с И.Н. Буздаловым в ИЭМСС АН СССР, ИМЭПИ и ИЭ РАН около сорока лет, довелось участвовать в совместных с ним соответствующих разработках, начиная с подготовки специального доклада для Правительства РФ в 1992 г.²⁷

Иван Николаевич был активен и в научно-организационной сфере, хотя и не имел склонности к командованию и сидению в президиумах. Вместе с А.А. Никоновым, Э.Н. Крылатых, Г.И. Шмелевым, В.Я. Узуном он участвовал в создании ВИАПИ, был редактором первой монографии этого института. В разные годы он был членом ряда научных и ученых советов, экспертом Российского гуманитарного научного фонда и до конца жизни членом редколлегии двух из ключевых научных изданий по аграрной тематике: «Международного сельскохозяйственного журнала» и журнала «Агропродовольственная политика России». Поддержка или научное руководство И.Н. Буздалова открыли путь в науку для многих экономистов-аграрников в России, других странах СНГ, ряде стран дальнего зарубежья. О его научной пунктуальности ходили легенды. В любом возрасте и при любом состоянии здоровья он точно в срок выполнял все плановые (да и внеплановые) задания. Возможно, это было связано с его крестьянским происхождением, с детства усвоенной простой истиной: не исполнишь работы в срок – не получишь хороший урожай.

Иван Николаевич был очень порядочным человеком (даже в самой жесткой борьбе с идейными противниками никогда не опускался до оскорблений, угроз, интриг), доброжелательным, с оригинальным – истинно народным – чувством юмора. Так, написанная им в соавторстве с Г.И. Шмелёвым шуточная «Поэма о клопах» своим «социалистическим реализмом» покорила не одно поколение обитателей старого здания Общежития аспирантов Академии наук.

В своем теоретико-методологическом подходе к исследованию комплекса аграрных отношений – от форм собственности, типов хозяйствования, межотраслевых связей сельского хозяйства до социального развития села и аграрной стратегии и политики государства – И.Н.

²⁶ Цит. по: Владимир Григорьевич Венжер: мыслитель, исследователь, учитель / Под ред. Т.Е. Кузнецовой, Л.В. Никифорова. М.: ИЭ РАН. 2015. С. 101–102.

²⁷ Буздалов И.Н. Избранные труды. Т. 3. Кооперация. Проблемы современной аграрной реформы. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова: ЭРД, 2008. С. 8.

Буздалов опирался на лучшие традиции академической научной школы Института экономики. Выяснение политэкономической сути явлений позволяло ему объективно-критически анализировать конкретные процессы и давать аргументированные рекомендации по совершенствованию аграрной политики.

В научных изысканиях И.Н. Буздалова условно можно выделить три основных тематических этапа. Первый начался с участия в дискуссии о земельной ренте (прежде всего показа несостоятельности концепции абсолютной земельной ренты), логически переросшей в «осмотрительное», по выражению И.Н. Буздалова, приближение к радикальным постановкам вопросов о рыночной природе и механизме рентных отношений, а затем – в содержательное исследование сущности и особенностей интенсификации сельскохозяйственного производства, ее экономической эффективности, изучение связи этих процессов с научно-техническим прогрессом и агропромышленной интеграцией.

Второй этап связан с разработкой методологических и прикладных вопросов рыночных аграрных преобразований, прежде всего роли прибыли и личной материальной заинтересованности, совершенствования ценового, налогового и иных инструментов хозяйственного механизма в АПК, всемерного развития кооперации как основы возрождения крестьянского хозяйства в новых условиях, с учетом опыта стран СЭВ. На этом этапе окончательно сформировались взгляды И.Н. Буздалова на содержание, основополагающие принципы, движущие силы и механизмы развития аграрных отношений. Выход из застоя и кризиса аграрного сектора как ключевого элемента экономики он видел «в движении вперед по пути стратегического курса реформ, но в осуществлении их последовательно, поэтапно, ориентируясь на эволюционный характер перехода к новой, демократической системе социально-экономических отношений, где в основе всего – личность, личный интерес, право собственности каждого на средства производства и результаты своего труда при широкой добровольной кооперации и адекватных методах государственного регулирования»²⁸.

Это кредо И.Н. Буздалов стремился реализовать на третьем этапе своих исследований, посвященных концепции, направлениям реализации и механизмам современной аграрной стратегии и политики России с учетом практики развитых мировых экономики и опыта аграрных рыночных реформ постсоциалистических стран Центрально-Восточной Европы и Китая. Выяснение политэкономической сути явлений позволяло ему объективно-критически анализировать конкретные процессы и давать аргументированные рекомендации по совершенствованию аграрной политики, несмотря на возможную негативную реакцию власть имущих. Он показывал несостоятельность концепции «особого российского пути» перехода к устойчивой производственно-структурной и социально-экономической модели современного АПК, выявлял декларативность мер государственного регулирования и поддержки крестьянства в условиях нового монопольного окружения и превращения российского села в «периферию периферии» экономического и социально-пространственного развития страны.

Иван Николаевич осознавал политическую ответственность ученых-аграрников – говорить правду крестьянству, да и обществу в целом, несмотря на возможную негативную реакцию власть имущих. В своей последней монографии он подчеркивал, что нынешняя аграрная политика «не преодолела возникшего в начале реформ... провала», а затягивание адекватного обновления этой политики ведет в «стратегический тупик» с «гибельными последствиями и не только для будущего сельского хозяйства»²⁹.

До конца своих дней Иван Николаевич Буздалов оставался настоящим ученым. Больше других своих наград он ценил Премию имени А.В. Чаянова, присуждаемую Российской акаде-

²⁸ Там же. С. 10.

²⁹ Буздалов И.Н. Аграрные отношения и аграрная политика современной России. Екатеринбург: Уральское издательство, 2016. С. 22, 170, 177.

мией наук за выдающиеся работы в области аграрной экономики. Он был удостоен этой премии в 1999 г. за монографию «Сельскохозяйственная кооперация: теория, мировой опыт, проблемы возрождения в России» (совместно с Г.И. Шмелёвым и В.Д. Мартыновым), став вторым лауреатом в истории ее присуждения.

2020 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные труды И.Н. Буздалова

Экономическая эффективность интенсификации сельскохозяйственного производства. М.: Колос, 1966.

Возрождение кооперации. М.: Экономика, 1990.

Стратегия аграрной реформы в России / соавт.: Э.Н. Крылатых и др. М.: Мировой банк, 1992.

Аграрные отношения: теория, историческая практика, перспективы развития / соавт.: Э.Н. Крылатых и др.; РАН. М.: Наука, 1993.

Сельскохозяйственная кооперация: теория, мировой опыт, проблемы возрождения в России / соавт.: В.Д. Мартынов, Г.И. Шмелев. М.: Наука, 1997.

Земельный вопрос / соавт.: Е.С. Строев и др. М.: Колос, 1999.

Аграрная реформа в России: концепции, опыт, перспективы / соавт.: Н.И. Кресникова и др. М.: Энцикл. рос. деревень, 2000. – (Науч. тр. / Все-рос. ин-т аграр. пробл. и информатики; вып. 4).

Теоретическое наследие аграрников-экономистов 50–80-х гг. и аграрная реформа в России / соавт.: Г.И. Шмелев и др. М.: Академия, 2001.

Социально-экономические проблемы аграрной политики и развитие / соавт.: Л.Ф. Арсенькина и др.; Всерос. ин-т аграр. пробл. и информатики им. А.А. Никонова. М.: Энцикл. рос. деревень, 2002.

АПК Российского Черноземья: состояние, опыт, стратегия развития / соавт.: И.Ф. Хицков и др.; НИИ экономики и орг. АПК ЦЧР РФ и др. Воронеж: Воронеж, 2003.

Аграрная теория: концептуальные основы, тенденции развития, современные представления / Всерос. ин-т аграр. пробл. и информатики им. А.А. Никонова. М.: Academia: ПИК ВИНТИ, 2005.

Избранные труды: в 3-х т. / Всерос. ин-т аграр. пробл. и информатики им. А.А. Никонова. М. 2008. Т. 1. Интенсификация, земельная рента, эффективность; Т. 2. На тернистом пути научной «реабилитации» рыночной системы аграрных отношений; Т. 3. Кооперация. Проблемы современной аграрной реформы.

Методы оценки территориального разделения труда и территориальной организации сельского хозяйства / соавт.: В.Ф. Башмачников и др.; Всерос. ин-т аграр. пробл. и информатики им. А.А. Никонова. М., 2012. Российское село и крестьянство в тисках монопольного окружения: моногр. М., 2013.

Состояние и перспективы развития потребительской кооперации в России: науч. изд. / соавт.: А.Е. Бусыгин и др. М.: Ярославль: Канцлер, 2016.

Аграрные отношения и аграрная политика современной России. Екатеринбург, Уральское издательство, 2016.

Литература о И.Н. Буздалове

Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995.

С. 336, 337.

Дрындин В.Л. К вопросу историографии советских экономических реформ начала 1950-х – первой половины 1960-х годов // Вестник Оренбургского государственного университета (ОГУ). 2004. № 10. С. 87–93.

Куликов И.М., Пошкус Б.И. 50 лет на передовой научного аграрного фронта // Вестник Института экономики РАН. 2008. № 4.

Мазлов М.З. Разомкнутся ли тиски монополизма для крестьянства // Экономическая наука современной России. 2015. №2(69). С. 154–155.

Алтухов А.А. О ключевых основах извечного в России «аграрного вопроса» // Вестник Института экономики РАН. 2017. № 2. С. 188–191.

Л.Г. Истягин д.и.н.
Варга Евгений Самуилович (1879–1964)

Евгений Самуилович Варга принадлежит к числу тех относительно немногих советских обществоведов, получивших при жизни самое широкое, в том числе и международное, признание. Его исключительно активная творческая деятельность продолжалась почти 60 лет. Ученым было опубликовано только лично свыше 800 книг, статей, брошюр, не говоря уже о не поддающемся прямому учету количестве записок и экспертных заключений. Он был удостоен – случай нечастый даже среди очень именитых людей советской науки – трех орденов Ленина и ордена Трудового Красного Знамени, Ленинской премии (1963 г.) Варга занимал целый ряд ответственных постов в организационных структурах науки. Помимо бессменного (с 1927 г.) директорства в Институте мирового хозяйства и мировой политики (ИМХМП, чаще – просто ИМХ) и главного редакторства в его органе, журнале «Мировое хозяйство и мировая политика», он занимал еще и посты директора существовавшего в 1920–1930-х гг. Института Красной профессуры мирового хозяйства и мировой политики, был членом Президиума Академии наук СССР, академиком – секретарем Отделения экономики АН СССР, членом бесчисленных редакционных коллегий и ученых советов.

В последние годы своей жизни он был знаковой, хотя и сугубо теневой, фигурой в общественных кругах, выдвигавших и обсуждавших проекты преобразований экономики, государственной и общественной системы в Советском Союзе и в других странах социалистического содружества. Ему особенно был близок венгерский опыт социально-экономических преобразований, в который он внес и свой конкретный вклад.

Далеко не все творческое наследие Е.С. Варги полноценно исследовано. В наибольшей мере к адекватности оценки всех сторон его деятельности приближается вышедший в 1981 г. по специальному решению Ученого совета ИМЭМО обобщающий коллективный труд (22). Выпущенная в 1991 г. книга воспоминаний В.И. Каплана (23) позволила прояснить некоторые моменты в жизни и деятельности ученого, но в целом носила незавершенный и несколько отрывочный, субъективно-схематичный характер. В середине 1990-х гг. основательное исследование творчества Е.С. Варги предпринял немецкий историк Г. Дуда, не только изучивший западные публикации, но и впервые привлечший ряд актов из советских архивов (28). В недавно вышедшем труде П.П. Черкасова об ИМЭМО сделана попытка во вступительном разделе дополнительно осветить, в том числе на основе открывшихся архивных фондов, некоторые обстоятельства, связанные с закрытием ИМХ в 1947 г. (27. С. 43–61).

Е.С. Варга родился в 1879 г. в семье австро-венгерского еврея, сельского учителя, по видимому, уже из отчего дома прихватил изрядный ресурс радикализма. В Будапештском университете, где после окончания родной школы очутился одаренный юноша, он быстро становится приверженцем левого социализма. Особенно близкими Варге оказались концепции люксембургского направления марксизма, сводившегося, в той или иной мере, к идее неизбежности коллапса капиталистической экономики вследствие циклического кризиса. Абсолютизация кризисного катастрофизма была позднее ученым оставлена, но повышенное внимание к циклам и кризисам он сохранил на всю жизнь. В 1906 г. 27-летний Варга вступает в социал-демократическую партию Австро-Венгрии и благодаря своим необычайным способностям вскоре становится редактором центрального органа партии в Будапеште газеты «Непшава». Его репутация глубокого знатока экономики, особенно вопросов финансов, быстро укрепляется. В 1917 г. он публикует специальное исследование «Деньги: их власть в мирное время и крах во время войны» (18. С. 21–112), принесшее ему международную известность.

В 1919 г. Е.С. Варга оказался в числе активных сторонников и участников венгерской революции. Он вошел в состав Венгерского революционного правительства, причем занял в нем ключевой пост сначала народного комиссара финансов, а затем – председателя Высшего совета народного хозяйства. В 1920 г., после поражения революции на родине, Варга эмигрирует в Советскую Россию, где сразу же устанавливает тесные контакты с В. Лениным, Л. Троцким, Н. Бухариным, В. Осинским, К. Радеком и другими партийными и государственными деятелями, журналистами, учеными Советской России. Вскоре определяется его специфическое амплуа – консультирование структур Коминтерна по экономическим и финансовым вопросам. Варга берет на себя организацию и заведование информационно-статистической службой Коминтерна, первоначально располагавшейся в Берлине. Как эрудированный знаток конкретики мировой экономики, к тому же прошедший одну из самых серьезных в европейской социал-демократии теоретическую школу «австромарксизма», Е.С. Варга первостепенное значение придает объективному анализу мировых экономических и социальных процессов. Эти методические принципы заняли приоритетное место и в творческих исканиях того ИМХа, который Варга после завершения своей берлинской миссии официально возглавил в декабре 1927 г.

В течение труднейших 20 лет, с 1927 по 1947 г., Е.С. Варга руководил ИМХом, который и был им превращен в главный центр советской мирохозяйственной аналитики, так что в этом смысле получившие и в стране, и за рубежом хождение термины «школа Варги» «институт Варги», были вполне оправданы. В позднейшей, особенно западной, литературе успех Е.С.

Варги чаще всего объяснялся благоволением к нему лично И.В. Сталина, заинтересованного в экспертном обслуживании своего курса. Это соответствовало истине, но Варга и сам придавал первостепенное значение консультированию советского руководства, особенно по вопросам мировой хозяйственной конъюнктуры, и тут ему не приходилось делать особых усилий ни над собой, ни над сплоченным им коллективом. Что касается знаменитого тезиса о «победе социализма в одной отдельно взятой стране», вокруг которого шла тогда основная борьба, то Варга и его друзья вполне искренно в этом деле поддерживали аргументацию Бухарина и Сталина в противовес доводам Троцкого (последнего разочаровала именно позиция Варги, на поддержку которого он определенно рассчитывал).

В научную заслугу Е.С. Варге для периода конца 1920 – середины 1930-х гг. следует поставить само возбуждение в имховской и более широкой академической среде целого ряда тем и проблем по исследованию мировых процессов. В тогдашней крайне сложной и изобиловавшей рисками обстановке в Советском Союзе, где гражданская война не столько закончилась, сколько внедрилась в глубины самой социальной ткани, ответы в лоб на ставившиеся вопросы были иной раз невозможными по психологическим мотивам. Характерна в этом плане проведенная в конце 1920 – начале 1930-х гг. серия обсуждений концепции так называемого «организованного капитализма» Р. Гильфердинга. Е.С. Варга подверг эту концепцию «организованного капитализма» острой критике, апеллируя в особенности к реалиям развертывавшегося тогда кризиса перепроизводства. В то же время Варга, насколько это от него зависело, способствовал относительно свободному обсуждению возникшей темы, тщательному учету всех суждений по этой проблематике, высказывавшихся в нашей стране и за рубежом, в том числе в интеллектуальных кругах Коминтерна. В имховском обиходе тема регулируемой капиталистической экономики в итоге оказалась официально застолблена, и над ней и сам директор, и когорта наиболее видных его сотрудников стали отныне основательным образом размышлять, хотя в выходявшей продукции это не сразу нашло свое отражение.

Е.С. Варга, безусловно, отрицательно относился к диктаторским методам Сталина и культу его личности, и тем более к репрессиям, жертвами которых оказалось очень большое число его ближайших друзей по ИМХу, по Коминтерну и Академии наук. Он не страшился идти на огромный личный риск, пытаясь, в том числе и посредством прямых обращений на «высочайшее имя», вызволять арестованных товарищей. Но Варга даже в предсмертных своих записях, делавшихся осенью 1964 г., когда о сталинских зверствах уже была опубликована масса ужасающих подробностей, твердо придерживался убеждения, что «ошибки Сталина», при всех их последствиях, «исторически исправимы» (21. № 3. С. 157). Впрочем, контекст не позволяет определенно ответить на вопрос, что собственно он понимал под «историческим преодолением» сталинизма. Во всяком случае – не реставрацию капитализма в тех формах, которые преподнесла постсоциалистическая российская действительность

Важнейшим достижением Е.С. Варги и всей его школы в довоенный период явилось всестороннее изучение экономических кризисов, а на этой основе самой кризисности как диалектического феномена в развитии мирового капитализма, мировой экономики и международных отношений, включая проблематику войны и мира, безопасности, антивоенной и антиимпериалистической борьбы, движений за колониальное и национальное освобождение. Как бы ни оценивать с позднейших позиций «эмпирический марксизм», которым, по словам Г. Дуды, последовательно руководствовался Е.С. Варга и его коллектив (28, с. 28–30), остается фактом, что на основе этой научной методологии, с рядом действительно заидеологизированных категорий и понятий (см.: 26. С. 145–152), Варге удавалось получать весомые научные результаты. При этом, конечно, ученому приходилось прибегать к условным формулам, писать намеками, заслоняться цифирью от обвинений в «апологии капитализма», ибо начальствующие инстанции с трудом и не сразу, а только с подготовкой, могли воспринять выводы о происходящем

прогрессе, росте производительных сил и при капитализме, о фактах и механизмах смягчения кризисов, модификации их функций.

Созданные по инициативе, под руководством и, как правило, при весьма конкретном личном участии Е.С. Варги работы – книги, статьи, доклады – получили широкое международное признание. Первая книга из задуманной серии о мировых кризисах вышла в свет в раскаленном 1937 г. и состояла – по отнюдь не лишним тактическим соображениям – почти из одних (десятки тысяч) цифр. Я.А. Певзнер позднее досадовал на то, что мысль о возросшей роли государства в экономическом процессе не была четко зафиксирована уже в обширном варговском предисловии к первой книге (7. С. 3–61). Варга в данном случае проявил понятную осторожность. Но в ряде параллельных высказываний он, начиная с фазы рассасывания «великой депрессии», предпринимал существенную коррекцию своих и своих друзей оценок, выдвигая тезис, согласно которому разрешение кризиса может быть обеспечено в рамках капитализма, без ожидавшегося до этого «революционного выхода».

Последовательно держась методологии творческого марксизма, Варга, насколько мог, старался снимать чрезмерную классовую редукцию с конкретных характеристик капиталистических экономик. Так, еще в 1929 г. на сессии исполкома Коминтерна он подверг сомнению догму об абсолютном обнищании пролетариата. Оказалось – преждевременно! Но в середине 1930-х гг. в этом плане произошел позитивный сдвиг. VII конгресс Коминтера (1935 г.), в подготовке которого Е.С. Варга, лично близкий с Г. Димитровым, принял самое деятельное участие, сформулировал лозунг единого антифашистского фронта и в связи с этим убрал, наконец, абсурдный и крайне вредный для интересов социалистического и антивоенного движений тезис о социал-демократии как о «социал-фашизме». Это позволило Е.С. Варге в своем институте развернуть тематику защиты мира, разоружения, особенно в связи с намеченной Лигой Наций конференцией по разоружению, общественными акциями по обеспечению безопасности и противодействия актам агрессии. Позднее Варге досталось за одно из заключений по этой линии – об истощении германских ресурсов горючего для Вермахта (8). Прогноз объявили чуть ли не вредительским, а дело было просто в том, что Вермахт потерпел разгром до грозившего ему обострения бензинового голода.

В годы войны академик, помимо текущих дел по институту и журналу, интенсивно трудился над своим важнейшим фундаментальным произведением, призванным дать объективное отображение картины капиталистического мира и международных отношений. Новая работа Е.С. Варги, быстро ставшая событием в интеллектуальной жизни, вышла в свет летом 1946 г. Она носила хронологически ограничивающее название «Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны» (10). В действительности в ней производился анализ капитализма за длительный срок, в ряде аспектов за всю послереволюционную эпоху. Содержались в ней и весьма смелые суждения о тенденциях будущего развития. В центре весьма стройной логической структуры стоял, как и следовало ожидать, вопрос государства и его роли – всего того, что обозначилось вскоре категорией «государственно-монополистического капитализма».

Отказ от примитивной формулы «государство-слуга монополий», последовательно проведенный в монографии, снимал барьеры развитию исследовательской мысли в самых различных сферах капиталистического общества. Е.С. Варга и сам показал образцы освобождающего действия более гибких интерпретаций и подал сигнал для новых методологических постановок другим исследователям. В результате имховские исследователи во главе со своим лидером плодотворно вышли на темы, ранее остававшиеся, во всяком случае для публичного раскрытия, табуизированными, и прежде всего на сюжет государственного регулирования капиталистической экономики.

В момент своей публикации первая послевоенная крупная работа Е.С. Варги вызвала раздражение кремлевских сфер. Развертывалась холодная война, и сталинский режим начинал

нервно реагировать на любые объективные оценки действительной силы своего системного противника. Варга и его институт к тому же дали и другие поводы для недовольства: в закрытых записках, а иной раз и в публикациях, ими проводились крамольные идеи о необходимости повышения жизненного уровня, о конверсионно-демилитаризационной переориентации производства, а с этой целью и о желательности сокращения военных расходов, отказа от гонки вооружений (23. С. 142–147). Этого, наряду с целым рядом частных, ведомственных и личных моментов, было достаточно, чтобы сначала открыть против Варги и института кампанию критических разносов, а затем перейти и к оргвыводам. Осенью 1947 г. ИМХ был слит с Институтом экономики АН СССР.

Сегодня по истечении почти шести десятилетий после тех событий приходится удивляться не столько разгрому школы Варги, сколько тому, как мало преуспели ее закрыватели из числа административного начальства и академических догматиков. В противоположность прошлым чисткам кадры имховцев, а это самое важное, пострадали относительно незначительно. Так или иначе, большинство исследователей удалось спасти, укрыв их, помимо Института экономики АН СССР, на педагогических кафедрах, в просветительских звеньях, в журналистских и издательских корпорациях. Исследовательские программы, конечно, были свернуты, но и то не полностью. Получилось так, что ИМХ и его руководство продолжил творческую, и даже общественную, жизнь в традиционной для советской интеллигенции окукленной форме. И это была, в известной мере, победа, а не поражение.

Сам Е.С. Варга, зачисленный с осени 1947 г. в штат Института экономики АН СССР, встретил там в целом благожелательное к себе отношение. В течение двух первых лет он параллельно продолжал также руководить своим журналом (который закрыли в 1949 г.). Пришлось, правда, отдавать дань ритуальной самокритике, но ученый сумел и в этих условиях отстаивать важнейшие из своих позиций. Особое внимание заслуживает его участие в проходившем в 1951–1952 гг., по указанию и при участии самого вождя, обсуждении в ЦК партии проекта учебника политэкономии. В одном из своих выступлений в «секции по вопросам капитализма», куда он был, несмотря на опалу, включен, Варга подверг сокрушительной критике идеологизированный тезис о непримиримости империалистических противоречий и в связи с этим о неизбежности внутриимпериалистических войн (24. С. 145).

Конечно, некоторое время пришлось уменьшить количество публикуемой продукции. Но и работа в стол не пропала даром. Можно даже сказать, что разгрузка от оргфункций дала дополнительный стимул к творчеству. Наблюдения и изыскания этих лет Варга суммировал в очередном труде по экономике и политике империализма, вышедшем в свет после смерти И.В. Сталина в 1953 г. и сразу же переведенном на многие иностранные языки. Правда, эта работа еще носила на себе отпечаток предшествующей избыточной «самокритики», но после XX съезда КПСС автор переиздал эту работу в очищенном от наиболее одиозных наслоений виде (1957 г.). За этой работой с интервалом в два года последовала развернутая характеристика экономики и политики капитализма середины века, сначала в виде статьи в органе тем временем открытого при его самом активном содействии Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), а затем отдельной книгой (1961). Вышедшие в год смерти академика его очерки по политэкономии капитализма (17) оказались в центре внимания всей шестидесятилетней общественности, а не только специалистов-исследователей.

В числе выдвинутых и детально обоснованных автором в последних трудах положений – выводы о неизбежности дальнейшей сверхмонополизации капитала, углублении научно-технической революции, росте массовой безработицы, обострении мировых (вскоре их назовут глобальными) проблем, о модификации экономических кризисов, включая сокращение циклов и конкретной наполняемости их фаз. В политической плоскости центральным был данный в ряде вариантов вывод о возможности в условиях противостояния двух мировых систем предотвращения Третьей мировой войны.

Некоторые тезисы формулировались теперь автором намеренно провокативно, с приглашением к разворачиванию творческих обсуждений. Так, для многих оказалось неожиданной резкая критика Е.С. Варгой кейнсианства, хотя академик и признавал за этой моделью хозяйственной политики способность смягчать при определенных условиях проблему занятости и уменьшать иные социальные издержки. По всей очевидности, Варга видел будущее в самом регулировании капиталистической экономики не столько за манипуляциями с учетной ставкой, сколько за прямым, хотя и неизбежно частичным в капиталистических условиях, государственным планированием. Еще более высоко он оценивал перспективы планирования для развивающихся стран. К сожалению, конкретизировать, развить и обобщить эти свои идеи ученый уже не успел.

Через 25 лет после смерти Е.С. Варги, случившейся в октябре 1964 г., журнал «Полис» опубликовал его предсмертные записки, которые он оставил близким с надписью на запечатанном конверте «Вскрыть через 25 лет». Оказалось, что в последние месяцы своей жизни, освободившись от издания работ по вопросам капитализма, ученый нашел время для наблюдений и над тогдашней советской действительностью. В целом она внушала ему глубокую тревогу. Варга хорошо понимал, что, несмотря на бравурные заявления Н.С. Хрущева, которого он, между прочим, не очень высоко ценил, дело идет к генеральному тупику всего реалсоциалистического эксперимента.

Варга последовательно подтверждал свои прежние негативные квалификации капитализма и империализма, указывал на необходимость решительной борьбы в мировом масштабе особенно против последнего. Ни малейших иллюзий в отношении капитализма как строя, и даже рыночных отношений, у него, в отличие от большой массы тогдашних советских интеллектуалов, не появилось. Тут уместно вспомнить, что основная его послевоенная книга «Основные вопросы экономики и политики империализма» с модификациями в других изданиях, жила в пору 1950–1960-х гг. несколько особой от автора жизнью. Если власти и догматики от науки осуждали ее за «ревизионизм», будто бы лишь прикрытый, как они находили, марксистскими оборотами, то часть общественности, тяготеющая к оппозиционности, ценила ее именно за встречавшиеся в ней позитивные оценки капитализма, в сущности также отмечая как обязательку авторский марксизм. Теперь выяснилось, что автор не кривил душой и не маскировался. Он подвергал безжалостной критике позднесоветскую модель именно за то, что она дискредитировала социализм как строй, как цель, как идеал. Главную причину коллапса советской системы Варга усматривал в бюрократизации и в разложении, в большой мере на вполне рыночной основе, советской партийной и государственной верхушки. В пору его предсмертного текста в характеристике буржуазного перерождения партийной бюрократии автор выходил на известный прогноз Л.Д. Троцкого, с которым теперь без обиняков и солидаризировался.

Как революционер Е.С. Варга склонялся к выводу о близком исчерпании советской моделью ее авангардного в мировом революционном процессе потенциала. В связи с этим он обращал свои взоры к Китаю, полагая, что центр мирового революционного процесса перемещается туда. Как исследователь капитализма и империализма Варга видел основную перспективную силу противодействия экспансии монополистического капитала, прежде всего американского, в первую очередь в социалистическом Китае. Это не значит, что он уже тогда полностью ставил крест на самом Советском Союзе, других социалистических странах, национально-освободительных и иных социальных движениях (в тексте опущен косвенный учет набравшего тогда силу левого движения на Западе). Но главные свои надежды Е.С. Варга все же связывал с поднимавшимся азиатским социалистическим колоссом. Отсюда у него некоторый, как сегодня сказали бы, евразийский налет в рассуждениях, подчеркивания важности учета ментальных и цивилизационных отличий Востока от Запада.

В целом Е.С. Варга и в предсмертных заметках не ставил последней точки. Очевидно, он еще надеялся по обыкновению вернуться к своим предварительным соображениям для их развития и конкретизации. Автор, писавший о своей предстоящей «смерти в печали», все-таки жил планами на будущее. Теплилась, конечно, и надежда на то, что, может быть, его мысли, предположения и предупреждения пригодятся новым поколениям социалистов и ученых. Этого не случилось через 25 лет. Представляется, однако, что близится более благоприятное время для обращения не только к выводам, научным достижениям, но и к сомнениям и исканиям Е.С. Варги.

2005 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы Е.С. Варги

1. Мировое хозяйство (сборник статей). М.: РИО–ВСНХ, 1922.
2. Кризис мирового капиталистического хозяйства. М.: Госиздат, 1923.
3. План Дауэса и мировой кризис 1924 г. М.: Московский рабочий, 1925.
4. Новый этап в репарационном вопросе. М.: Изд-во Ком. Академии, 1929. [Совместно с В. Горфинкель и др.].
5. Между VI и VII конгрессами Коминтерна. Экономика и политика. 1928–1934 гг. М.: Партиздат, 1935.
6. Производительные силы бунтуют против капитализма. Плановое хозяйство у нас – «плановый» обман у них. М.: Партиздат, 1935.
7. Мировые экономические кризисы 1845–1935 гг. / Под ред. Е. Варги. Т. 1. Сравнительные материалы по истории кризисов в важнейших капиталистических странах. М.: Огиз, 1937.
8. Истощение хозяйственных ресурсов в Германии. М.: Воениздат, 1941.
9. Исторические корни особенностей германского империализма. Магадан: Советская Колыма, 1943.
10. Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны. М.: Госполитиздат, 1946.
11. Демократия нового типа. Вологда: Северный путь, 1947.
12. Основные вопросы экономики и политики империализма (после второй мировой войны). М.: Госполитиздат, 1953.
13. Основные вопросы экономики и политики империализма (после Второй мировой войны). 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1957.
14. Капитализм двадцатого века. М.: Госполитиздат, 1961.
15. Современный капитализм и экономические кризисы. Избранные труды. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1965..
16. Ослабление позиций США как мировой державы // Новое время. 1964. № 8.
17. Очерки по проблемам политического капитализма. М.: Политиздат, 1964.
18. Начало общего кризиса капитализма. Избр. произведения. М.: Наука, 1974.
19. Экономические кризисы. Избр. произведения. М.: Наука. 1974.
20. Капитализм после Второй мировой войны. Избр. произведения. М.: Наука, 1974.
21. Вскрыть через 25 лет // Полис. 1991. № 2, 3.

Литература о Е.С. Варге

22. Аникин А.В. Евгений Самуилович (Ене) Варга // Аникин А.В. Люди науки. Встречи с выдающимися экономистами. М.: Дело Лтд, 1995. С. 45–50.
23. Творческое наследие Е.С. Варги. М.: ИМЭМО АН СССР, 1981.

24. *Каплан В.И.* Важнейшие события международной жизни и деятельности Института мирового хозяйства и мировой политики. М.: ИМЭМО РАН, 1991.
25. *Певзнер Я.А.* Жизнь и труды Е.С. Варги в свете современности // МЭиМО. 1989. № 10.
26. *Певзнер Я.А., Истягин Л.Г.* Академик Варга Е.С. // Академики-экономисты России. М.: ИЭ РАН. 1999. С. 90–113.
27. *Истягин Л.Г.* В тисках идеологии, под гнетом власти // МЭиМО. 1995. № 9.
28. *Черкасов П.П.* Портрет на фоне эпохи. М.: Изд-во «Весь мир». 2004.
29. *Duda G.* Jeno Varga und die Geschichte des Instituts für Weltwirtschaft und Weltpolitik in Moskau. 1921–1970. Zu den Möglichkeiten und Grenzen wissenschaftlicher Auslandsanalyse in der Sowjetunion. Berlin: Akademie-Verlag, 1994.

М.И. Воейков д.э.н.
Т.Е. Кузнецова д.э.н.
Венжер Владимир Григорьевич (1899–1990)

Владимир Григорьевич Венжер представляет одну из самых ярких фигур в истории советской экономической мысли, точнее, политической экономии социализма. Он был, пожалуй, самым крупным представителем социалистической мысли в аграрной экономической науке советского периода. Разных и хороших ученых-аграриев было достаточно, но только В. Венжеру удалось наиболее глубоко и последовательно отразить кооперативные, а следовательно, социалистические, в его понимании, потребности крестьянства. По сути дела его можно считать последним представителем весьма популярной в России в конце XIX и в начале XX в. теории кооперативного социализма. И удивительно, как он смог выжить все годы, разделяя близкую к эсеровской концепцию социализма. Правда, на него всегда смотрели как на диссидента советской экономической науки, иногда жестко критиковали, иногда давали возможность печатать свои научные труды.

Может быть, ему помогла его неутомимая натура и вполне революционная биография. Родился В.Г. Венжер 28 января 1899 года в Крыму, где и закончил гимназию. В 1916 году

поступает на физико-математическое отделение Московского университета, в 1917 году – участник Октябрьской революции в Москве, в 1918 году вступает в РКП(б), затем Гражданская война. После демобилизации в 1921 г. из Красной Армии – на партийной работе (1921–1936 гг.). Одно время даже был секретарем семипалатенского обкома партии, но был снят с этой должности. Учился в Институте красной профессуры, по окончании которого стал начальником политотдела МТС (1933–1934 гг.), затем – директором зернового совхоза (1936–1938 гг.). Но выгнали и оттуда. С 1939 года до самой своей смерти – научный сотрудник Института экономики АН СССР. Когда спрашивали В.Г. Венжера, как ему удавалось выживать все годы сталинщины, находясь на партийных и хозяйственных постах, он отвечал, что «всегда имел свое собственное мнение, которое фиксировалось в протоколах». Этот неконформистский характер Венжера позволил ему не только прожить длительную жизнь в сложнейшее время, но и составить заметный вклад в аграрные проблемы политической экономии социализма.

В.Г. Венжер получил всесоюзную известность после письма И.В. Сталина в его адрес: «Ответ товарищам Саниной А.В. и Венжеру В.Г.», которое вошло составной частью в книгу И. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Это слишком хорошо известная книга, предопределившая на долгие десятилетия состояние экономической теории в нашей стране. Для того, чтобы было понятнее как в эту эпохальную книгу умудрился попасть В. Венжер и что было потом, следует несколько пояснить историю появления этой книги.

В 1951 г. ЦК партии (а значит, Сталин) затеяли экономическую дискуссию по проекту учебника политической экономии. В Кремле собрали ведущих ученых-экономистов, которые обсуждали разные, относящиеся к предмету, вопросы, а также писали разные записки и письма лично Сталину. Последний сидел в Сочи и изучал доставляемые ему каждый день самолетом материалы дискуссии. В целом было ощущение, что Сталин внимательно, хотя и таким своеобразным образом, следит за обсуждением. Причем указывалось, что можно писать Сталину «все что хочешь, и ничего не будет», как потом вспоминал сам В.Г. Венжер. Некоторые и постарались, например Л. Ярошенко, который написал такое, что его сразу же после дискуссии отправили в далекую ссылку.

В. Венжер поступил умнее. Они, вместе со своей женой и другом, доцентом МГУ А.В. Саниной, тщательно изучив работы И.В. Сталина, приводили в своем письме высказывания Сталина из его более ранних выступлений о необходимости продажи техники МТС колхозам. На что получили, наверно, самый благожелательный ответ от Сталина: «Я получил ваши письма, – пишет Сталин [было всего 6 писем]. Как видно, авторы этих писем глубоко и серьезно изучают проблемы экономики нашей страны»³⁰. Но это не спасло ни Венжера, ни Санину от проработок после знаменитой научной дискуссии. А.В. Санина вынуждена была уйти из МГУ, а В.Г. Венжер избежал обычной для того времени участи чудом. Его «ошибки» хотели обсудить на партийном собрании Института экономики АН СССР, но Венжер болел, а потом умер и сам Сталин.

В. Венжер в своих письмах исходил из того, что если колхозы являются действительно кооперативными предприятиями, как официально тогда считалось, то они должны быть собственниками средств производства и результатов своего труда. Во всяком случае, колхозы должны сами решать, что им брать в аренду, а что приобретать в собственность, в том числе, конечно, и сельскохозяйственную технику.

Иначе на это дело смотрел И.В. Сталин. Он писал, что, «предлагая продажу МТС в собственность колхозам, тт. Санина и Венжер делают шаг назад в сторону отсталости и пытаются повернуть назад колесо истории», «основная ошибка тт. Саниной и Венжера состоит в том, что они не понимают роли и значения товарного обращения при социализме, не понимают, что

³⁰ Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 84.

товарное обращение несовместимо с перспективой перехода от социализма к коммунизму»³¹. Так Сталин не разрешил продавать технику колхозам.

Сегодня, конечно, этот спор кажется далеким и не очень существенным. Более того, в тех пределах, в которых тогда оказалась советская экономическая теория, он вообще не разрешим. Действительно, абстрактно-теоретически Сталин был прав, что с перспективой перехода к коммунизму товарное обращение должно было бы сужаться. В. Венжер же был прав практически. Во-первых, кооператив есть кооператив, и он сам должен решать свою хозяйственную судьбу, что покупать и что продавать. Во-вторых, полное владение сельскохозяйственной техникой колхозами или совхозами для тех экономических условий было практической необходимостью. Более того, можно даже сказать, что Венжер был более прав, ибо он имел в виду в первую очередь улучшение хозяйственной практики, а не чистоту теоретических догм. И. Сталин укладывал практику в короткое ложе догм. В.Г. Венжер же всецело исходил из потребностей практики и согласовывал ее с той теорией (теория кооперации), которая выдержала проверку в России на протяжении нескольких десятков лет. Тем более, что сегодня совершенно очевидно явное противоречие сталинской экономической теории классическим марксистским положениям социализма.

И с этой точки зрения следует рассматривать роль и значение не только В.Г. Венжера, но теоретические постановки и всех выдающихся деятелей общественной науки советского периода.

Как бы ни оценивать и ни относиться к советскому периоду нашей истории, но следует признать как непреложный факт существования в России с 1917 по 1991 г. особого социально-экономического строя, который можно называть советским строем, советской системой, советским типом экономической системы и т.д. Хотя эта система имела с социализмом в классическом его понимании некоторые внешние общие черты, и то лишь скорее фразеологические. Эта система имела и свою идеологию, и свою общественную науку, в том числе и политическую экономию социализма. В.Г. Венжер и являлся наиболее ярким представителем аграрной ветви этой науки.

Сегодня многие стараются забыть или перечеркнуть весь советский период, и в том числе советскую экономическую науку. Конечно, в этой науке было разное. Но, тем не менее, она пыталась решать и решала многие конкретные проблемы хозяйственного развития, позволила создать мощное государство с громадным экономическим потенциалом. Более того, многие политэкономические разработки были направлены на развитие общества в сторону все большего социализма, как тогда все это дело понимали. Все это можно объединить понятием политической экономии социализма.

Итак, признаем факт существования советской политической экономии социализма как непреложный. Даже несмотря на то, что, на наш взгляд, социализма в точном марксистском понимании у нас не было. Здесь могут нам возразить, что же это за наука того, чего, как вы сами считаете, не было.

Действительно, трудно представить науку, которая изучает то, чего нет в реальности. Но тут случай особый. Социалистическая мысль появилась задолго до того, как возникли какие-либо предпосылки социализма. Если оставить в стороне утопические сочинения, а взять период, начиная с марксистской разработки вопроса, то обнаружим, что имеется довольно обширная научная литература, где серьезно обсуждаются различные проблемы лучшего устройства будущего общества, то есть социализма. Значит, если самого социализма нет, то наука о нем уже существует много десятилетий и насчитывает многие сотни, если не тысячи, серьезных научных сочинений.

³¹ Там же. С. 91, 92.

Более того, по многим представлениям, социализм не приходит в мир каким-либо стихийным образом, а сознательно вырабатывается обществом. Это вытекает прежде всего из классического марксизма и из работ почти всех других социалистических мыслителей. Поэтому в данном случае можно говорить, что социальная наука социализма (и политэкономия социализма в том числе) – это наука о том, что будет, а не о том, что есть. Именно в этом смысле создавал свою теорию «конструктивного социализма» лидер эсеровской партии Виктор Чернов. И надо отметить, что многие мысли В. Венжера были весьма близки к положениям В. Чернова.

Это достаточно важный момент, он характеризует сложившуюся методологию отечественной экономической науки, которая полностью сохранилась и до сегодняшнего дня. Суть дела состоит в том, что почти все серьезные экономические сочинения советского периода были написаны в нормативном плане, т. е. содержали некие предложения по улучшению тех или иных сторон экономической системы. Просто описательные работы, выполненные, как сейчас говорят, в дескриптивном методе, не считались достаточно научными. Таким образом, в случае социализма можно говорить об общественной науке того, что на сегодняшний день еще не имеется.

С этой точки зрения и следует анализировать вклад В.Г. Венжера в развитие политической экономии социализма, то есть вклад в науку о лучшем устройстве общества. Политическая экономия социализма в нашей стране выполняла несколько функций.

Одной из них была конструктивная функция, когда пытались усовершенствовать различные стороны и формы социалистического общества. Причем многие наиболее дальновидные или умные ученые полагали, что то общество, которое реально существовало в советский период, можно было называть социалистическим только условно, с оговорками. И мыслили себе настоящее социалистическое общество где-то в будущем. Конечно, об этом четко и откровенно нельзя было сказать, но намеков в соответствующей литературе было предостаточно. В последней своей книге (о которой мы подробно поговорим ниже), написанной в последний год жизни, В. Венжер писал более откровенно: «Наш социализм ни полным, ни даже развернутым пока что далеко не является. Раз так, то, следовательно, переходный период от капитализма к социализму все еще продолжается и будет продолжаться до тех пор, пока это строительство не завершится в полной мере или во всяком случае не достигнет состояния всеобщего достатка»³².

В этом конструктивном направлении политической экономии социализма было много легче развернуться в теоретических построениях, высказывать различные взгляды, разворачивать дискуссии. Почти все основные дискуссии в советской экономической науке как раз охватываются этой функцией. Собственно говоря, эта функция и соответствует основному предназначению политической экономии социализма.

Другая функция политической экономии социализма – это создание общей теории социализма. Такие попытки были у многих исследователей, но результат их чрезвычайно ничтожный. Главная причина состоит опять же в том, что советскую практику многие исследователи принимали за практику социалистического общества и никак не могли ее непротиворечиво увязать с классическим марксизмом или с какой-либо другой общей социалистической теорией.

В этом отношении В. Венжер составлял исключение. Но перед ним стояла другая трудность. Он не был ортодоксальным приверженцем классического (в каутскианской его трактовке) марксизма, он почти всю свою жизнь развивал и отстаивал теорию кооперативного социализма. В той же последней книге он писал: «Полный социализм есть строй кооперативный»³³. Но все это он не мог откровенно писать в советский период, приходилось маневрировать. То

³² Венжер В.Г. Как было, как могло быть, как стало, как должно стать. Вопросы истории нашего строя. М., 1990. С. 50.

³³ Там же. С. 87–88.

есть конкретные разработки по развитию колхозной кооперации он сделал почти в полной мере, что всегда вызывало оживленную дискуссию, и даже жесткую критику. Но вот общую теорию кооперативного социализма ему разработать не удалось, вернее, ему не позволили. Но даже то, что удалось сделать В. Венжеру, достойно изучения и переосмысления и сегодня.

Итак, В. Венжер был представителем кооперативного социализма, можно даже сказать, был теоретическим последователем лидера эсеровской партии Виктора Чернова. Хотя этот сюжет он нигде и никак не раскрывал. Но существо дела от этого не менялось. В. Чернов во многих своих работах отстаивал принцип социализации деревни через кооперацию, полагая, что в деревне социализм может утвердиться только как кооперативный. Правда, для города Чернов предполагал развитие синдикализма, который в союзе с деревенским кооперативизмом и создаст социалистическое общество. Венжер же принципы кооперации распространял на все общество, на все предприятия. «При наличии общественной формы собственности, – писал Венжер, – каждое отдельное предприятие лучше и надежнее всего превратить в предприятие кооперативное. В настоящее же время, поскольку по целому ряду объективного и субъективного характера причин наши промышленные предприятия являются государственными, превращать их в государственно-кооперативные следует путем сдачи по договору трудовым коллективам». «Самое главное и самое ответственное, – писал он о горбачевской перестройке, – это перевод, постепенный, но неукоснительно последовательный, всей и промышленной, и земледельческой деятельности на рельсы кооперативности... Конечная цель перестройки – перевод всей экономики страны на рельсы общественного самоуправления, следовательно, на рельсы всеобщей кооперативности»³⁴.

Прав ли был В. Венжер? Действительно ли лучшее общество – это общество самоуправленческих кооперативов? При всей привлекательности именно такой схемы отметим, что пока еще общественная наука четкого ответа дать не может. Но развитие научных исследований в этом направлении было бы весьма полезным.

Таким образом, В. Венжер рассматривал кооперацию и кооперативные начала как общую форму социального прогресса, он выступал против отведения ей некоей второстепенной роли, и то лишь на определенный срок. Непреходящее значение кооперации (и в этом ее универсальность) он видел в том, что она дает возможность вести хозяйство, не отделяя от собственности каждого, кто занят в этом хозяйстве. По мысли В. Венжера, кооперация разрешала противоречие между частным и общественным, не уничтожая одно из них, а гармонично интегрируя их воедино. Для земледелия такой синтез особенно важен.

Сегодня можно констатировать, что обычный марксистский подход, точнее, каутскианский, который вполне разделяли В.И. Ленин и другие большевики, что земледелие по мере развития капитализма превращается в фабрику и что здесь экономические и трудовые отношения ничем не будут отличаться от промышленности, не оправдался. До сих пор и, видимо, еще долго земледелие будет представлять особую отрасль производства с особыми хозяйственными и трудовыми отношениями. И единственный путь развития земледелия, а следовательно, социализации его – это кооперация. Вот это и доказывал В. Венжер всеми своими работами.

Он всегда оставался последовательным сторонником необходимости развития кооперации, не менял высоких оценок этой формы собственности и хозяйства в длительные периоды ее идеологической дискредитации и жесткого государственного давления. В своих работах В. Венжер доказывал, что к колхозам следует относиться как к предприятиям подлинно кооперативным, которые должны обладать реальными кооперативными чертами. Более того, ученый выступал против государственного диктата по отношению к внутреннему устройству колхозов и их внешним связям, будь то подмена рыночных контрактационных связей обязательными

³⁴ Венжер В.Г. Как было, как могло быть, как стало, как должно стать. Вопросы истории нашего строя. М., 1990. С. 93, 91.

закупками, определение размеров и укрупнение колхозов, или прямое превращение их в государственные предприятия.

Кстати говоря, отметим, что известный диссидент П.М. Абовин-Егидес эти теории Венжера, конечно, не зная их автора, пытался проводить в своей колхозной практике, когда был одно время председателем колхоза в Пензенской области. И что из этого получилось, можно прочитать в очень интересной и поучительной книге П.М. Абовина-Егидеса «Философ в колхозе»³⁵. В. Венжера за кооперативные теории лишь жестко критиковали, П.М. Абовина-Егидеса за практические действия, согласно этим теориям, в конце концов упекли в психушку. Это лишний раз показывает, что в советский период в политэкономических теориях хоть как-то и что-то можно было высказать. Критиковали, но не до смерти.

В. Венжер под формой кооперации, развития колхозного строя по сути дело боролся с государственным социализмом. Это и понятно: кооперативный социализм противоположен государственному.

Развивая теорию кооперативного социализма, Венжер естественным образом оказался сторонником более общей теории – рыночного социализма. Более того, он был ближайшим и многолетним сотрудником Я.А. Кронрода, который возглавлял целое направление рыночного социализма в Институте экономики АН СССР. Конечно, сегодня к этой теории можно относиться по-разному. Но в любом случае – это была определенная теория, которая позволяла в более конструктивном смысле обсуждать проблемы совершенствования экономической системы «реального социализма». Конечно, только обсуждать. Ведь, как уже отмечалось, политическая экономия социализма – это наука не столько о том, что есть, сколько о том, что должно быть. Поэтому и рыночный социализм – это комплекс представлений о лучшем устройстве ближайшего общественного будущего.

В. Венжер много и плодотворно писал на эти темы, за что и был неоднократно критикуем. «Экономическое руководство колхозами предполагает, – писал он в середине 1960-х годов, – что вместо жесткого централизованного планирования, заключающего в себе много административного, используются исключительно стоимостные рычаги: цена, прибыль, кредит, льготы и другие стимулы для воздействия на развитие колхозов в желательном для народного хозяйства направлении». В другом месте он отмечал: «Природе колхозного производства наиболее соответствует порядок свободной реализации своей товарной продукции»³⁶.

Вместе с тем в рассуждениях В. Венжера можно найти и определенные противоречия. На них важно обратить внимание, поскольку дискуссия о рыночном социализме продолжает быть интересной. Так, В. Венжер, с одной стороны, верно считал, что «хозяйственные отношения следует рассматривать как отношения стоимостные» и что «одним натуральным показателем нельзя еще составить себе исчерпывающего представления о состоянии хозяйства. Последнее достигается лишь на основе анализа стоимостных показателей». Однако, с другой стороны, в той же книге он писал, что в условиях социализма «отпадают такие стоимостные категории, как рыночная стоимость, цена производства, стоимость рабочей силы и прибавочная стоимость, абсолютная рента и цена земли»³⁷. Конечно, если иметь в виду сталинистскую трактовку социализма, которой был вынужден держаться В. Венжер, то действие стоимостных отношений в такой модели рыночного социализма должно было быть ограничено. Что, собственно, усиленно и делалось не только в практике сталинского социализма, но и в практике «реального социализма». Но если к вопросу подходить теоретически, то никак нельзя представить себе рыноч-

³⁵ Абовин-Егидес П.М. Философ в колхозе. М., 1998.

³⁶ Венжер В.Г. Особенности колхозной экономики и проблемы ее развития // Производство, накопление, потребление. М., 1965. С. 271, 273.

³⁷ Венжер В.Г. Использование закона стоимости в колхозном производстве. Изд. 2-е. М., 1965. С. 138, 137.

ную экономику без категории рыночной стоимости. Без последней все стоимостные показатели и цены приобретают формальный, необязательный характер.

Конечно, могут быть разные модели и схемы рыночного социализма, но в любом случае центральным, конституирующим его моментом должна быть и будет категория рыночной стоимости. Другое дело, что в данной схеме рыночного социализма общество не должно в каждом своем мероприятии неукоснительно следовать требованиям закона стоимости. Уже сегодня в некоторых европейских странах с высокоразвитой экономикой из сферы рыночного регулирования выведены целиком или в значительной части наука, образование, здравоохранение, культура и т. п.

В.Г. Венжер был убежденным коммунистом, не переродившимся в поборника тоталитарного режима и апологета всего, что творилось в стране, особенно в сталинский период. Он был оппозиционером и противником огосударственного, бюрократического строя, критиковавшим этот строй с позиций уверенности в творческие силы и способности народа образовывать общественное устройство, в котором он, народ, был бы и творцом, и хозяином всего созданного им. Ученый всегда оставался защитником «рыночного социализма» вне зависимости от господствующей официальной антитоварной идеологии, последовательным сторонником кооперации в эпоху всеобщего огосударствления, защитником крестьянства «в условиях диктатуры пролетариата», экономистом, исповедующим принципы экономической демократии в условиях тоталитаризма.

Вместе с тем В.Г. Венжер не был согласен и с упрощенной критикой пути, пройденного нашей страной. Он считал, что «историков ждет воистину колоссальная работа по переосмыслению нашей не парадной истории, а всего того, что в ней было и хорошего и плохого, и верного и неверного, и победного или неудачного»³⁸.

Понимание В. Венжером кооперации свидетельствует о том, что он не был лишь узким экономистом-аграрником. По широте взглядов и интересовавших его проблем он был ученым, исследовавшим процессы и механизм социально-экономического прогресса. И возможности для такого исследования В. Венжеру (особенно с учетом его отношения к кооперации) в какой-то мере давала аграрная сфера, в которой, пусть во многом формально, сохранялись негосударственные типы хозяйства. Применительно к аграрной сфере можно было сказать откровеннее то, что нельзя было говорить в те времена относительно общества в целом. Лишь в своей последней книге В. Венжер смог полнее раскрыть свое понимание объективных тенденций общественного развития и послереволюционной истории нашей страны.

Последняя книга В. Венжера посвящена не аграрным проблемам и отношениям, хотя анализ этих проблем в ней есть. В этой книге ученый пытается осмыслить и как очевидец, и как активный участник многие явления того времени, в котором он жил.

Свое кредо ученого, гражданина и социалиста В. Венжер выразил заключительными словами своей последней книги: «Мы против угнетения сильными слабого. Мы против эксплуатации человека человеком. Мы за социально справедливое и равное положение в обществе независимо от национальной принадлежности, вероисповедания и других особенностей каждого народа. Таково мое заключительное слово»³⁹.

2020 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные произведения В.Г. Венжера

³⁸ Венжер В.Г. Как было, как могло быть, как стало, как должно стать // Вопросы истории нашего строя. М., 1990. С. 71.

³⁹ Там же. С. 108.

1. Основные вопросы производственной деятельности МТС. М.: Сельхозгиз, 1949.
2. Вопросы комплексной механизации колхозного производства. М., 1955.
3. Использование закона стоимости в колхозном производстве. Изд. 2-е. М.: Наука, 1965.
4. Колхозный строй на современном этапе. М.: Экономика, 1966.
5. Социально-экономические перспективы развития колхозного строя. М.: Наука, 1979.
6. Как было, как могло быть, как стало, как должно стать // Вопросы истории нашего строя. М.: Наука, 1990.

Литература о В.Г. Венжере

1. Владимир Григорьевич Венжер: мыслитель, исследователь, учитель / Под ред. Т.Е. Кузнецовой, Л.В. Никифорова. М.: ИЭ РАН. 2015.
2. Воейков М., Кузнецова Т., Никифоров Л. В.Г. Венжер – теоретик русского кооперативного социализма // Альтернативы. 1999. № 1.
3. Кузнецова Т.Е. В.Г. Венжер (1899–1990) // Вопросы экономики. 1991. № 5.
4. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.

В.П. Логинов д.э.н.
Гатовский Лев Маркович (1903–1999)

Лев Маркович Гатовский родился 26 июля 1903 года в городе Минск. Уже с молодых лет его трудовая и научно-просветительская деятельность определялась социальной активностью и была тесно связана с растущим интересом к общественным наукам. В 1920–1922 гг., еще до начала учебы в институте, Л.М. Гатовский преподает политическую экономию в Центральной партийной школе (г. Минск), являясь одновременно заведующим отделом ЦК комсомола Белоруссии.

В 1922 г. он поступает в Институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, с которым остается связанным в течение 16 лет своей жизни. В Институте им. Г.В. Плеханова Л.М. Гатовский проходит путь от студента до преподавателя, а затем получает звание профессора. Являясь профессором Института им. Г.В. Плеханова, он занимал также профессорскую должность в Институте красной профессуры, заведовал кафедрой в Плановой Академии. Дальнейшая его трудовая и научная деятельность была связана с Институтом экономики АН СССР (заведующий сектором), с Госпланом СССР (начальник отдела), с ЦСУ СССР (член комиссии).

В 1939 г. Л.М. Гатовский становится заместителем директора Института экономики АН СССР. Но с началом Великой Отечественной войны его научная деятельность прерывается – в 1941 году Лев Маркович ухлдит на фронт. С 1941 по 1947 г. Лев Маркович – в рядах Советской Армии: военный корреспондент газеты «Красная звезда» в действующей армии, начальник отдела и член редакционной коллегии «Красной звезды».

С 1957 г. Л.М. Гатовский целиком концентрируется на научной работе, являясь заместителем директора Института экономики АН СССР и одновременно главным редактором журнала «Советская экономика». В 1960 году Л.М. Гатовский избирается членом-корреспондентом АН СССР. В 1965 г. Лев Маркович возглавил Институт экономики АН СССР, одновременно заведует отделом института, и руководил им до 1971 г.

В мае 1970 г. Л.М. Гатовский становится председателем Научного совета АН СССР по экономическим проблемам научно-технической революции. По его инициативе Президиум АН СССР входит с предложением в правительство о целесообразности комплексного планирования научно-технического прогресса и социально-экономического развития страны на долгосрочную перспективу. Это предложение было поддержано и в 1970-х годах под эгидой ГКНТ и силами научных организаций АН СССР с участием министерств и ведомств СССР, а также правительств союзных республик, и с привлечением широкой научной общественности начинается разработка Комплексной программы научно-технического прогресса и его социальных последствий на 20-летнюю перспективу.

Обширное научное наследие члена-корреспондента АН СССР Л.М. Гатовского трудно обозримо даже для специалиста. С 1928 г. им опубликовано свыше 300 научных работ (более 600 печатных листов). К сфере его научных интересов относились общие проблемы политической экономии социализма, теория и методология планирования, экономика товарооборота, ценообразование, экономическая статистика, проблемы хозрасчета и стимулирование производства, теоретические и методологические вопросы научно-технического прогресса, измерения эффективности общественного производства и управления социалистическим хозяйством. Научные труды Л.М. Гатовского получили широкое признание за рубежом, многие его труды переведены на иностранные языки.

Лев Маркович не ограничивался теоретическим анализом процессов разработки, освоения, внедрения и распространения новой техники. Не менее его занимали проблемы общезначимой эффективности научно-технического прогресса и связанные с ними социальные эффекты, а также реальная отдача и возможности улучшения системы экономического стимулирования и материальной заинтересованности в связи с внедрением новой техники.

Практические рекомендации Л.М. Гатовского, основанные на его теоретических разработках проблематики НТП, были доведены им от уровня народного хозяйства до уровня предприятий. И здесь достаточно упомянуть «Методику определения народнохозяйственного социально-экономического эффекта новой продукции» и предназначенную для предприятий «Методику определения социально-экономической эффективности новой техники» и «Типовые методические положения определения планового и фактического эффекта новой техники».

Вместе с тем разнообразные научные интересы ученого объединялись воедино глубокой, комплексной и системной разработкой проблематики научно-технического прогресса и практического применения полученных научных результатов в социально-экономическом развитии страны.

Особую научно-практическую значимость представляет собой Комплексная программа научно-технического и социально-экономического развития на долгосрочную 20-летнюю перспективу, где воплотились многие теоретико-методологические разработки коллектива Института экономики РАН, созданные под руководством Л.М. Гатовского. Были разработаны Методические рекомендации по определению социально-экономических последствий научно-

технического прогресса. Ученые Института экономики РАН принимали активное участие в разработке Концепции научно-технического и социально-экономического развития страны на период до 2000 года. В сводных документах КП НТП определялись приоритеты развития науки и технологий в отраслевом и территориальном разрезе, прогнозировались социальные результаты от комплексного развития науки, техники и экономики по союзным республикам СССР и по экономическим районам Российской Федерации. По мнению многих ученых РАН, опыт разработки КП НТП полезно возродить в современных условиях и разрабатывать на долгосрочную перспективу Комплексный прогноз научно-инновационного и социально-экономического развития России в условиях рыночных отношений.

Основные теоретические положения Л.М. Гатовского, в частности по широкой проблематике научно-технического прогресса, остаются актуальными и по сей день и до сих пор ждут своего практического применения. Особенно ценным и актуальным является его принципиальный подход к инновационному процессу и его результатам: «... В использовании возможностей научно-технической революции интегрируются наука, техника, экономика и социальные результаты».

Многолетняя научная деятельность Льва Марковича и его участие в Великой Отечественной войне были отмечены 5 орденами и 7 медалями, в том числе двумя орденами Трудового Красного Знамени и орденом Красной Звезды.

Основные направления научной деятельности Л.М. Гатовского, наиболее ценные теоретические и методологические разработки во многом актуальны и в наше время:

- единство науки, техники, экономики и социальных результатов;
- повышение роли социальной эффективности новой техники;
- ускорение эффективного обновления основных фондов.

Эти научные идеи, очевидно, требуют нового осмысления и поиска возможных путей их реализации в современных экономических условиях.

2005 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы Л.М. Гатовского

1. О природе советской торговли на современном этапе. М.–Л.: Снабкоопгиз, 1931.
2. О предмете и методе теории советского хозяйства. Л., 1932.
3. Экономические законы и строительство коммунизма. Очерки политической экономики. М.: Экономика, 1970.
4. Экономические проблемы научно-технического прогресса. М.: Наука, 1971.
5. Планирование и стимулирование НТП. М.: Экономика, 1972.
6. Типовые методологические положения по определению планового и фактического эффекта новой техники / Под науч. рук. Л.М. Гатовского. М.: ИЭ РАН, 1977.
7. Методика определения народнохозяйственного социально-экономического эффекта новой продукции / Под науч. рук. Л.М. Гатовского. М.: ИЭ РАН, 1978.
8. Эффективность НТП. М., 1978.
9. Основные методологические положения определения социально-экономической эффективности новой техники / Под науч. рук. Л.М. Гатовского. М.: ИЭ РАН. 1980.

Литература о Л.М. Гатовском

1. Гатовский Лев Маркович // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 1. М.: Изд-во «Советская энциклопедия». 1972. С. 306.

В.К. Сенчагов д.э.н.
А.А. Дерябин д.э.н.
Дьяченко Василий Петрович (1902–1971)

В.П. Дьяченко – член-корреспондент АН СССР, выдающийся советский ученый-экономист внес огромный вклад в развитие теории финансов, кредита, денежного обращения и ценообразования. В.П. Дьяченко был ярчайшим представителем того целого поколения крестьянских детей, которое после революции пришло в советскую науку, и в культуру, и в политику. Как и положено было в крестьянской семье, он в нежном возрасте не только учился в приходской школе, а затем в гимназии Кустаная, но и работал.

Революционные события и Гражданская война не обошли стороной В.П. Дьяченко. В 1918 г. при колчаковском режиме он – член нелегального «просветительского кружка» – попадает под негласный надзор охранки. После отступления белых В.П. Дьяченко вступает в местный партотряд, который действует в Петропавловском и смежных уездах. Затем два года (1919–1921 гг.) он в рядах V армии, из которой «демобилизован как недостигший призыв-

ного возраста». В 1921–1923 гг. В.П. Дьяченко – член бюро сельской комсомольской ячейки, секретарь укома и член губкома комсомола. В 1923 г. командирован в Оренбург на рабфак, по окончании которого поступает на экономический факультет Ленинградского политехнического института (1924–1929 гг.). Молодого специалиста приглашают в Наркомат финансов СССР на должность научного сотрудника, и почти одновременно он становится зам. директора по научной работе Московского финансового института.

Вообще же в 1930-е годы даже трудно определить основную работу В.П. Дьяченко. В Наркомфине он зав. сектором, отделом, зав. научно-исследовательским бюро, главный редактор и управляющий Госфиниздатом и в то же время заведует кафедрами в Московском финансовом и Ленинградском финансово-экономическом институтах (в то время можно было совмещать работу даже в разных городах).

В эти же годы В.П. Дьяченко весьма активно работает и на научном поприще. Уже в 1933 г. были изданы два выпуска учебника «Финансы СССР» и стенограммы лекций, прочитанных в Московском финансовом институте, по курсу «Теория денег и кредита СССР». В 1934 г. выходит в свет книга «Финансовая политика СССР», а в 1938 г. и повторно в 1940 г. – «Финансы и кредит» и, конечно же, множество научных статей.

Основная идея всех этих научных работ, если предельно обобщать их, заключалась в преодолении распространенной, но ошибочной трактовки советских финансистов лишь как сферы деятельности специальных финансовых учреждений. В.П. Дьяченко настойчиво доказывал, что советские финансы – это система денежных отношений, теснейшим образом связанных с действием закона стоимости, с воспроизводством общественного продукта, с обеспечением единства материально-вещественных и стоимостных пропорций.

Значение публикаций В.П. Дьяченко можно понять, если учесть, что в то время не было в сущности учебников, и даже учебных пособий. Все приходилось создавать на пустом месте. И не дай бог допустить при этом какие-то действительные или мелкие ошибки идеологического характера. Это уже потом, когда в 1940-е и 1950-е годы появилась целая плеяда блестящих профессоров-финансистов, можно было познавать финансы, кредит и денежное обращение по разным учебникам. Но ведь именно эти профессора учились по работам В.П. Дьяченко. Поэтому с полнейшим основанием и без преувеличения можно назвать этого ученого основателем или, по меньшей мере, одним из основателей, целой важнейшей отрасли советской науки.

Огромное напряжение, связанное с работой в Наркомате, в преподавании и в науке, сказалось на здоровье В.П. Дьяченко. Внешне это выразилось в том, что он стал плохо слышать. И поэтому, когда грянула Великая Отечественная война, его не приняли на военную службу, хотя он этого желал. Пришлось остаться в Наркомфине. И он работал так, что в октябре 1942 г. был награжден орденом Знак Почета за выполнение правительственных заданий по финансированию обороны страны. Последующие награды В.П. Дьяченко были по своему статусу более высокими. Но весомость этой первой была без сомнения самой большой. Ее скромность не должна вводить в заблуждение. Вспомним, что это был самый тяжелый период войны – шла Сталинградская битва. Награды были еще редкостью, а награды тыловикам – и подавно. В марте 1943 г. В.П. Дьяченко были одновременно присвоены ВАКом СССР ученая степень доктора экономических наук и звание профессора.

Советские финансы выдержали испытание войной. Они не развалились. Дело было организовано так, что буквально каждая копейка была на счету. И хотя в первые годы войны была допущена избыточная эмиссия денег, уже во второй половине войны этого не было.

Разумеется, в годы войны была инфляция. Но, во-первых, рост цен был только по товарам народного потребления. Пайковые цены, т.е. цены, по которым продавались товары по карточкам, возросли в 1,5–2 раза. Рыночные цены или цены колхозного рынка, а также цены государственной «коммерческой торговли», где продажа шла без каких-либо количественных

ограничений, стали выше в 5–10 и более раз. А вот цены на средства производства, цены и тарифы на все виды услуг, в том числе и для населения, остались почти без изменений. Более того, цены на военную технику, боеприпасы и т.д. даже снижались. Во-вторых, при оценке размеров инфляции нужно учесть величину потерь страны. Ведь погибли десятки миллионов мужчин и женщин самого продуктивного возраста, было уничтожено две трети национального имущества и т.д. В других странах с неизмеримо меньшими потерями инфляция была во много раз выше.

Еще до окончания войны исподволь и в строжайшем секрете шла подготовка к денежной послевоенной реформе. В.П. Дьяченко по своему служебному положению был самым непосредственным участником этой работы. Планировалось провести реформу с одновременной отменой карточной системы с 1 января 1947 г., т.е. меньше чем через 1,5 года после окончания Второй мировой войны. Но страшная засуха, поразившая страну в 1946 г., заставила перенести сроки проведения реформы на один год.

Сейчас можно встретить совершенно несправедливые оценки той, уже далекой от нас, денежной реформы. Ее даже называют иногда грабительской. На фоне того, что произошло в 1990-е годы, это звучит поистине кощунственно. Да, действительно, та реформа была по своему характеру конфискационной. Но направлена она была не против народа, а против спекулянтов, мошенников, жуликов и другого подобного люда, т.е. против тех, кто боялся держать деньги в сберкассах (ведь разоблачат!) и имел все в наличности. А вот у обычных людей в то время наличных денег в больших количествах просто не было, они ничего и не теряли. Да и у тех, у кого конфисковали, отбиралось не все, десять процентов им все-таки оставляли. А теперь спросим, сколько осталось у добропорядочных и законопослушных граждан России от вкладов в Сбербанке после 1991 г. Сколько осталось и от наличности, если только в 1992 г. цены возросли в 26 раз? Ответ ясен.

После окончания войны для подготовки кадров высшей квалификации для центральных органов, в первую очередь для Госплана, Госснаба, Минфина, других министерств, создан элитный Московский государственный экономический институт (МГЭИ). В.П. Дьяченко в 1945 г. приглашается туда заведующим кафедрой финансов и руководит ею до 1961 г., когда МГЭИ был объединен с Институтом народного хозяйства им. Г.В. Плеханова (ныне Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова).

В 1947 г. В.П. Дьяченко был переведен с должности начальника отдела Минфина СССР на должность зам. директора Института экономики АН СССР. Именно переведен, т.к., надо заметить, руководящие работники в то время не могли самостоятельно решать вопрос о месте своей работы, их перемещали. А вызвано было такое передвижение В.П. Дьяченко тем, что в этот момент Институт экономики и Институт мирового хозяйства и мировой политики АН СССР были объединены в один институт – Институт экономики АН СССР, куда директором был назначен К.В. Островитянов. Вот к нему в заместители и пришел В.П. Дьяченко, призванный руководить исследованиями в области советской экономики.

К этому времени В.П. Дьяченко был автором уже 9 монографий, 4 брошюр и многих десятков научных статей. В 1947 г. В.П. Дьяченко издает монографию «Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства». Сам В.П. Дьяченко особенно ценил эту свою работу. И действительно, в ней получила новое теоретическое обобщение теория денежного обращения, кредитной политики и финансовой системы в 1920-г годы, т.е. в весьма сложный, но очень интересный период жизни нашей страны.

Получают дальнейшее углубление теоретические разработки В.П. Дьяченко по проблемам закономерностей развития советских финансов, их роли в народном хозяйстве и культурном строительстве, в контроле за производством, распределением и использованием общественного продукта. И глубоко ошибаются те, кто думает, что все эти работы если и имели

значение, то только для советского периода. Это далеко не так. Многие положения, выработанные в то время, сохраняют силу и по сие время.

В 1953 г. В.П. Дьяченко избирается членом-корреспондентом АН СССР и практически одновременно директором Института экономики АН СССР (акад. К.В. Островитянов становится вице-президентом АН СССР) и остается на этом посту до 1956 г., когда он избирается заместителем академика-секретаря Отделения экономики, философии и права АН СССР, продолжая работу и в Институте экономики в должностях зав. отделом и зав. сектором.

Продолжая работу по теории финансов, кредита и денежного обращения, В.П. Дьяченко обращает внимание на проблему хозрасчета. В это время выходят его работы: «Товарное производство и закон стоимости при социализме», «Хозрасчет как социалистический метод хозяйствования», «Объективные основы хозяйственного расчета», «Об экономической роли советского государства» и др. Всего же за период с 1947 г. по 1960 г. под его редакцией и при непосредственном участии вышло более десятка монографий. Во всех этих работах прослеживается та мысль, что важнейшими показателями должны быть: снижение затрат, повышение качества продукции и услуг, внедрение достижений научно-технического прогресса, улучшение использования основных и оборотных фондов и т. д.

Направленность научной деятельности В.П. Дьяченко резко меняется, когда он по распоряжению академика Л.Н. Несмеянова – Президента АН СССР – назначается руководителем проблемы «Система цен и ценообразования на предметы народного потребления». В то время это была с научной точки зрения совершенно неисследованная проблема. Все нужно было создавать вновь. И здесь В.П. Дьяченко проявил свой научный и организационный талант. Так, став председателем Научного совета по ценообразованию, В.П. Дьяченко сумел превратить его в единственный в стране и уникальный в этом смысле Междуведомственный совет.

Этот совет стал ареной плодотворнейших дискуссий по острейшим проблемам ценообразования. В.П. Дьяченко был в центре этой работы. Один перечень работ показывает серьезность исследований: «Цены как инструмент развития социалистической экономики», «Система ценообразующих факторов и их классификация», «Пути совершенствования системы цен», «Учет потребительских свойств продукции в плановом ценообразовании», «Учет природного и географического факторов в ценообразовании», «Учет соотношения между спросом и предложением в плановом ценообразовании» и, наконец, «Теоретические основы и методика учета ценообразующих факторов при планировании цен». Все эти работы оказали огромное воздействие не только на процессы ценообразования, но и на другие смежные исследования и практику. Речь идет, например, о стимулировании научно-технического прогресса, размещении производительных сил и т. д. Но, конечно, они прежде всего отразились на практике определения цен.

В этой связи характерен один эпизод. В то время цены в промышленности, как, впрочем, и в других отраслях материального производства, пересматривались довольно редко и обычно к началу пятилетки. В подготовке к пересмотру цен привлекались все министерства, а их было несколько десятков, сотни научно-исследовательских институтов, десятки тысяч специалистов. Дело в общем очень дорогостоящее. Так было и с подготовкой новых цен, которые должны были быть введены с 1965 г. Были разосланы по всем предприятиям даже прејскуранты, тираж некоторых из них достигал десятков миллионов экземпляров. Но вся подготовка этих цен велась по старинке. Бралась среднеотраслевая себестоимость и плюсовалась нормативная прибыль, и сумма называлась ценой. Однако в свете работы Междуведомственного совета по проблемам ценообразования, и особенно после публикации исследований В.П. Дьяченко, все это предстало как недопустимо примитивное и безнадежно устаревшее. Всем стало ясно, что цены нужно определять иначе. Было принято мужественное решение – задуманный пересмотр цен 1965 г. признать ошибочным и всю подготовку начать заново на принципиально новой методологической и теоретической основе, в которых учет ценообразующих факторов

был максимально возможным. Наиболее существенным был учет в ценах фондоемкости продукции.

В.П. Дьяченко лично был очень скромным человеком. Он никогда не подчеркивал свою роль в науке, хотя для этого имелись очень большие основания. Взять хотя бы те цены, которые были введены с 1967 г. Они же по существу были основой для проведения так называемой косыгинской реформы. И то, что она не была осуществлена, не вина ценовиков. Они-то во главе с В.П. Дьяченко сделали все зависящее от них.

Огромная работа, которую проводил В.П. Дьяченко, конечно же отражалась на его самочувствии. Да и характер был у него такой, что он все переживания сдерживал и внешне их не проявлял. Врачи же постоянно требовали, чтобы он не обращал внимания на неприятности. А чего-чего, а этого во все времена хватало и хватает для тех, кто находится в центре каких-либо событий. Взять хотя бы пустопорожние схоластические рассуждения некоторых «ученых», беспредметную критику, просто какие-то личные выпады и т.д., т.е. все такое, что у работающего активно человека вызывает раздражение или даже негодование – ведь отнимают время, которого так мало. Можно, разумеется, как-то избавляться от этого тем, что не читать «творений» отдельных лиц. Но как быть, если сидишь в президиуме или даже ведешь заседание, и выступает вот такой, прямо скажем, пустомеля? В.П. Дьяченко добрый, но остроумный человек, придумал решение. Он вмонтировал в свой слуховой аппарат, с которым никогда не расставался, радиоприемник. И когда выступал неприятный для него человек, или речь шла по пустякам, или раздавалась совершенно необоснованная критика, В.П. Дьяченко переключал свой аппарат на какую-нибудь музыкальную программу и наслаждался ею. Все, кто видел его в этот момент, не переставали удивляться – выступающий критикует В.П. Дьяченко с какими-то несусветными аргументами, а критикуемый спокойно и добродушнейше улыбается.

В.П. Дьяченко очень заботливо относился к подготовке кадров. Его руководству обязаны десятки докторов наук, многие из которых стали известнейшими учеными и уже сами подготовили докторов и кандидатов наук. Ушел из жизни В.П. Дьяченко в 1971 г.

2010 г.

ИСТОЧНИКИ

Основные работы В.П. Дьяченко

1. Теория денег и кредита СССР. Стенограммы лекций. М.: Госфиниздат, 1933.
2. Бюджетная система Союза ССР (редактор и соавтор). М.: Изд-во «Власть Советов», 1937.
3. Финансы и кредит СССР. Учебное пособие. (руководитель и соавтор). М.-Л.: Госфиниздат, 1940.
4. Финансовая система СССР. Учебное пособие. М.: Изд-е НКФ СССР, 1945.
5. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства. Ч. 1. 1917–1925 гг. М.: Госфиниздат, 1947.
6. О товарном производстве и законе стоимости при социализме. М.: Изд-во «Знание», 1953.
7. Товарно-денежные отношения и финансы при социализме. М.: Наука, 1974.
8. История финансов СССР. М.: Наука, 1978.

А.М. Никулин к.э.н.
Заславская Татьяна Ивановна (1927–2013)

Заславская Татьяна Ивановна (1927, Киев – 2013, Москва) – экономист и социолог в области исследования политэкономических проблем трансформации российского общества, социально-экономических проблем трудовых ресурсов и аграрной социологии.

Т.И. Заславская родилась в Киеве 9 сентября 1927 года. Мать Т.И. Заславской – Татьяна Георгиевна Де-Метц окончила филологический факультет Киевского университета. Отец – Иван Васильевич Карпов – окончил философско-педагогический факультет Киевского университета; с 1941 г. – профессор Московского педагогического института иностранных языков.

Когда Заславской исполнилось пять лет, ее семья из Киева переехала в Москву. В шесть лет Татьяну отдали в школу, которую она окончила экстерном в 16 лет. В 1943 г. поступила на физико-математический факультет Московского государственного университета, но, увлекшись политэкономией на семинарах и лекциях А.В. Саниной, перевелась с потерей курса на второй курс экономического факультета МГУ, окончив его с отличием в 1950 г.

С 1950 по 1963 гг. Т.И. Заславская работала в Институте экономики АН СССР над вопросами аграрного развития советского села под руководством таких крупных экономи-

стов-аграрников как Г.Г. Котов, В.Г. Венжер, о которых всегда вспоминала с уважением и благодарностью как о своих дорогих учителях. В 1955 г. получила степень кандидата экономических наук. Тема диссертации: «Трудодень и принцип материальной заинтересованности в колхозах».

В 1963 г. Т.И. Заславская по приглашению А.Г. Аганбегяна переехала в Новосибирский Академгородок в Институт экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП) Сибирского отделения Академии наук СССР. В 1965 г. защитила докторскую диссертацию «Экономические проблемы распределения по труду в колхозах». В 1967 г. возглавила отдел социальных проблем в ИЭиОПП, вскоре превратившийся в один из ведущих центров советской экономической социологии, получивший название Новосибирской экономико-социологической школы (НЭСШ).

В 1968 г. Т.И. Заславская была избрана членом-корреспондентом Академии наук СССР по Отделению экономики, а в 1981 г. – действительным членом (академиком) Академии наук СССР по Отделению экономики.

В 1983 г. Т.И. Заславская подготовила остро критический доклад «О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии», который распространялся под грифом ДСП (для служебного пользования). Нелегально попавший на Запад доклад там был опубликован под названием «Новосибирский манифест», вызвав пристальный интерес в советских и международных интеллектуальных кругах, сопровождаясь скандалом в Новосибирском обкоме КПСС, где коммунисту Заславской за этот доклад был вынесен строгий выговор.

В 1987 г. Заславская вернулась из Новосибирска в Москву, став первым директором-организатором Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), а также президентом советской социологической ассоциации (ССА). Также в период перестройки в 1989 г. Заславская была избрана народным депутатом СССР, где работала членом комиссии по труду, ценам и социальным вопросам. В 1991–1992 гг. Заславская являлась членом Высшего консультативно-координационного совета при Президенте России, но, неудовлетворенная его деятельностью, по собственному желанию вышла из состава членов совета.

С 1993 по 2004 г. Заславская – профессор, зав. кафедрой методологии общественных наук Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН), а также сопresident Междисциплинарного центра социальных и экономических наук (Интерцентр), организованного известным английским социологом Т. Шаниным. Здесь Заславская также являлась президентом (с 1993 по 2003 г.) ежегодного международного междисциплинарного симпозиума «Куда идет Россия?..». Публиковавшиеся под редакцией Т.И. Заславской междисциплинарные научные сборники «Куда идет Россия?..» стали уникальной научной летописью вех развития российского общества.

В конце своей жизни Т.И. Заславская приступила к обоснованию структурной концепции посткоммунистических трансформационных процессов, направленной на выработку методологических средств познания закономерностей, движущих сил, механизмов и вероятных перспектив общественных преобразований, происходящих в России и других посткоммунистических странах. Научные заслуги Заславской отмечены многочисленными российскими и зарубежными наградами и премиями.

Татьяна Ивановна Заславская умерла 23 августа 2013 г. в Москве. Похоронена на Даниловском кладбище.

Так как основной и самый длительный период в научной деятельности Т.И. Заславской пришелся на изучение прежде всего аграрных проблем советского общества, охарактеризуем именно это направление ее научной деятельности особенно подробно.

Социальная экономика колхозного сектора

Монография «Распределение по труду в колхозах» (1966) вызвала широкий интерес у ученых и практиков советской аграрной экономики. Сама Заславская отмечала, что именно этой книге она обязана получением не только докторской степени, но и звания члена-корреспондента АН СССР. В монографии была успешно применена оригинальная методика, устранявшая влияние заниженных государственных цен на аграрную продукцию, определявшая общую сумму валового дохода, создаваемого советскими колхозниками, распределение этого дохода между государством и колхозами, между колхозной оплатой труда и колхозными накоплениями. Детальные статистические исчисления за несколько последних лет хрущевской эпохи были осуществлены по всем областям и краям Советского Союза с аналитическим выделением в них групп слабых, средних и сильных колхозов с соответствующим сопоставлением экономики колхозов и совхозов. Заславская специально исследовала вопросы дифференциации советских сельскохозяйственных предприятий, проанализировав достаточно глубоко и основные макроэкономические условия причин сельско-городской дифференциации народного хозяйства СССР. Ее исследование распределения национального дохода, фонда потребления, разницы в оплате труда между сельским хозяйством и другими отраслями советской экономики свидетельствовало о том, что сельское население было самой депривированной частью общества, и перераспределение национального богатства происходило не только не в пользу села, но во многом за его счет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.